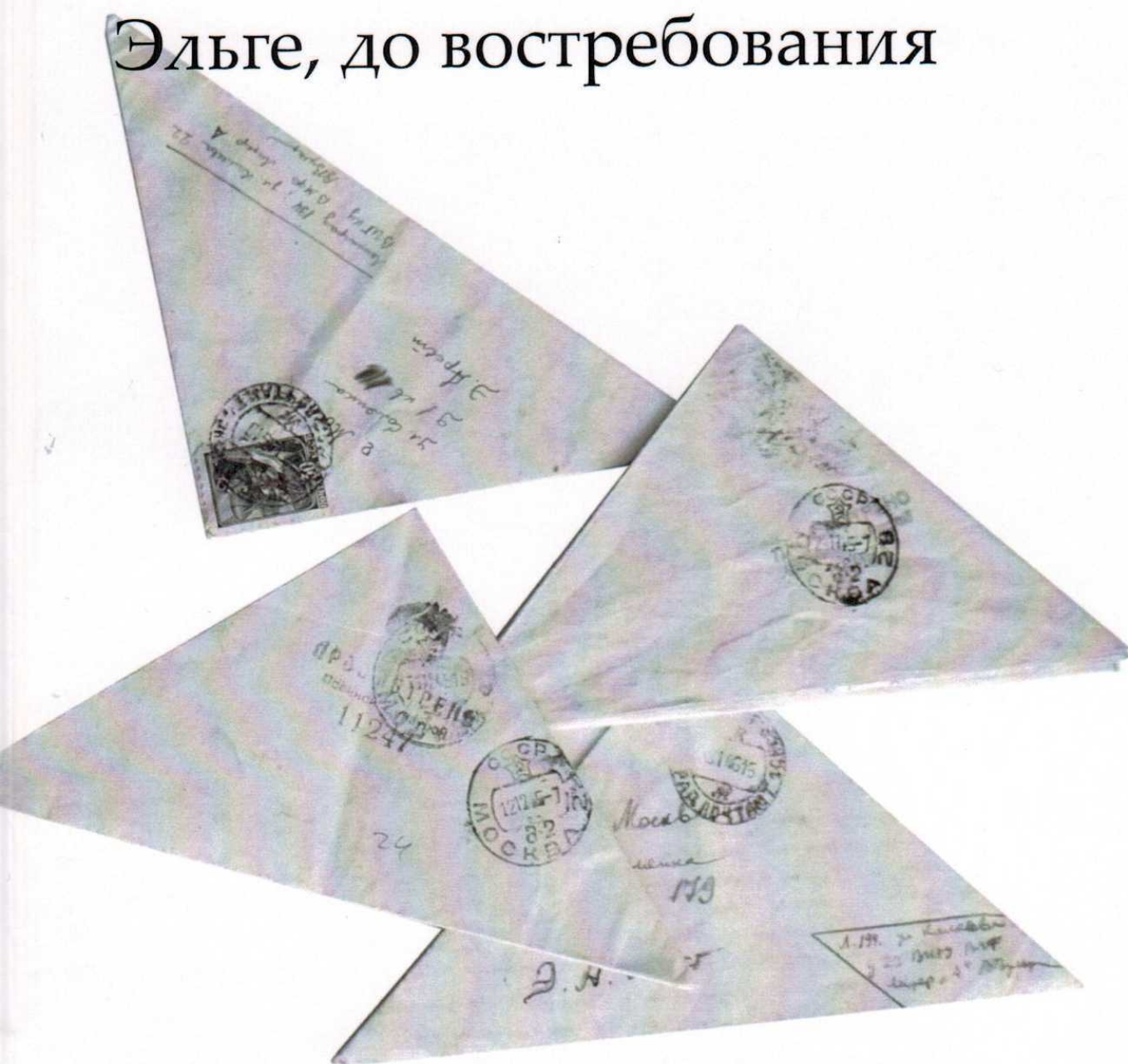

Елена Шевченко

Эльге, до востребования

Елена Шевченко

Эльге, до востребования

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шевченко Е. М.

Эльге, до востребования / Е. М. Шевченко — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Документальная повесть. Воспитание чувств и становление души московской еврейской девочки в 30-40-е годы прошлого века. Репрессии, война, эвакуация и - любовь. Письма и воспоминания сохранены полностью. Все совпадения неслучайны. Имена подлинные.

Её больше нет.

Пора разбирать шкафы. Нужно найти какие-то документы.

– Да где же это чертово свидетельство? – сдернула с полки первую попавшуюся коробку, шкаф был полностью забит этими картонками с подписями о чем-то неясном и неизвестном. Сняла крышку, а там – желтые треугольнички-письма, как в кино про войну. Много, на каждом штамп «проверенно цензурой». Это же надо уметь так их сложить. Все адресованы ей, старалась не говорить «бабушке». Какая там бабушка в 45-м?! Это же ей от силы 17–18, меньше, чем мне сейчас. На конверте красивым почерком – Москва, Солянка, д. 1, кв.178, Арест-Якубович Э.

Кто ей с фронта писал? Папа ее не воевал, братец младший в те годы был совсем еще малышом. С мужем она познакомилась лишь в институте, а тут, получается, школьница. Хотя нет, вот и послевоенные письма, уже в обычных конвертах, 46 год, 47... Это она уже студентка.

Мелкий почерк, хоть с лупой читай. Письма из военного морского института. И подпись – «В. Вульф». Он в конце письма то «жмет руку», то «обнимает», то «целует». Письма на пяти страницах, еще и на полях приписки. «Пиши обо всем, что видела, что слышала, что чувствовала, о важном и о безделицах. Мне нравится твое живое восприятие, хотя хочу побранить тебя за пока не очень решительные мнения».

Бабушка любила рассказывать о детстве, и казалось, что ты знаком со всеми ее многочисленными родственниками, соседями по квартире на Солянке, друзьями семьи, их женами и мужьями, детьми, друзьями друзей, коих уже и нет. Но они есть в твоей жизни через бабушкины рассказы. Они кружили по ее ныне однокомнатной квартире, проявляясь на старых коричневых фотографиях. Еще давным-давно они заселили Москву во время наших совместных прогулок:

– Вот тут жила моя прабабушка. Когда меня приводили, ей было сто лет, а мне четыре, она сидела в кресле, давала мне конфету. У нее было пианино.

– Но тут же министерство сельского хозяйства. – сомневалась я.

– Оно построено в 20-е. Меня приводили году в 32, или в 33-м.

– А тогда последний этаж был жилым, – у нее на все был ответ:

– А вот тут жил Эрик с родителями, – указывала она на Дом на набережной, – Наш папа был дружен с его отцом, у них была громадная квартира, а у Эрика был педальный детский автомобиль, редкость в те годы, мы на нем катались. А когда я заболела ветрянкой, мама с Алькой жили у них. На самом деле они были Фридманы, но переделали фамилию в Манфрид. Им казалось, что так лучше.

– А где сейчас Эрик?

– Его отца посадили в 37-м, потом маму забрали, и он куда-то канул...

Все эти ожившие тени стали табличками в музее, именем переводчика Рильке или Гашека. А бабушка рассказывала другое – как все вместе выезжали на дачи.

Но Вульфа никогда не было ни среди живых, ни среди мертвых героев бабушкиного мира. Она не обмолвилась о нем ни словом, ни полусловом. Его не было на фотографиях, которые любили рассматривать по праздникам.

И вот его письма. Теперь мое наследие. Или как там? Движимое или недвижимое. И секреты тоже мои.

А если спросить ее брата? Вдруг он знает о юношеских тайнах своей сестры.

– Вульф? – Алек покрутил чашку с чаем на блюде. Явно что-то вспомнил. – Нет, нет, Вульфа не было. Если только... Но не знаю, стоит ли вспоминать. Она не любила о нем говорить.

– Но она же сохранила его письма.

В коробке из-под печенья лежали треугольнички.

– Он научил меня кататься на велосипеде. Перед самой войной, мы снимали дачу в Переделкино. Тогда он приехал с мамой Миной Григорьевной и бабушкой Генриеттой.

Эти имена я слышала. Бабушка Генриетта называла мою бабушку Бисхен. Объяснение простое. Дачные дети за столом ели вяло. И только маленькая Эльга обладала прекрасным аппетитом, быстро съедая все. Если ее спрашивали о добавке, то она скромно отвечала по-немецки: «Нур бисхен» (только чуточку). Так прозвище и прилепилось. В семье вообще любили прозвища. Тетушку, оставшуюся в Риге, звали Эка. И совсем не потому, что она Екатерина. На самом деле ее звали Антуанетта. А Эка по-латышски «хвостик». Она, самая младшая из всех, всегда ходила за кем-то, не любила оставаться одна. И в Москву со всеми не поехала, уцепилась за старшего брата Гришу. Кто знает, что там в Москве? А здесь все ясно.

– Так кто такой Валерий?

– У них тем летом сложились какие-то романтические отношения. И семьи радовались. И мама с Миной что-то им пророчили. Кажется, и ей он нравился. – Алек смутился, он сказал что-то лишнее, а отступить уже было некуда.

– Он был сыном замечательных родителей – героя-полярника Вульфсона, трагически погибшего на острове Врангеля, и ассистентки знаменитого профессора Плетнева, Мины Григорьевны Дамье. Валерий Вульфсон-Дамье во время нашего с ним знакомства был московским школьником средних классов. Он отличался смышленостью и добродушным, покладистым характером. Ты знаешь, кто такой профессор Плетнев? – попытался вернуться от рассказа.

– Я и кто такой герой-полярник Вульфсон не знаю.

– Это очень увлекательная история. – обрадовался бабушкин брат. – Об этом много писали в конце 30-х годов.

Биолог Вульфсон со своим ассистентом отправились в Арктику, на остров Врангеля, где через месяц профессор погиб – злодей воткнул охотничий нож ему в глаз. Жуткая история. Всем было ясно, что на безлюдном острове убил его ассистент, тем более, что по словам всех коллег, они недолюбливали друг друга. Ассистент и отказываться не стал: ненавидел профессора-зануду, даже свои дневники показал, где признавался, что желает профессору зла, и письма со словами «хочется его убить». Но признательные показания отказался подписывать: не убивал и все. Следователем по этому таинственному делу был назначен модный сыщик Лев Шейнин, по совместительству писатель, его рассказы в «Правде» публиковала в те годы ценила выше Агаты Кристи. Сыщик-писатель менял фамилии героев, потому было вдвойне интересно угадать, кто стоит за его персонажами. Он рассказ про убийство Вульфсона написал. «Охотничий нож» назывался. Вульфсона переименовал в Бурова, а остров Врангеля в Колгуев, а так больше ничего от себя не присочинил. С помощью мудрого сыщика выяснилось, что профессор охотничьим ножом забивал патрон в магазин ружья, неудачно ударил по капсюлю патрона, произошел выстрел и нож силой взрыва отбросило к лицу. Так что налицо несчастный случай. Оправдательный приговор ассистенту по делу профессора читал генеральный прокурор Вышинский. И все знали, что бывает и справедливость. Писатель написал свой рассказ. И все его прочли.

– И что дальше было?

– Дальше? Все в этих письмах.

Газеты дома читал только папа. Мама лишь просматривала и отшвыривала, ничего не говоря, все и так было понятно. Эльза, Лейба, которую звали Люба, и Амалия, родные сестры матери, церемонно не притрагивались к прессе, уходили пить кофе на кухню. А когда папа увлеченно пытался зачитать что-то вслух, обычно они поджимали губы и тут же брали с полки какие-то детективы на английском, делая крайне увлеченный вид. Папа смеялся:

– Можно подумать, что это Шекспир.

– Это новая Кристи. Про шпионов. Очень поучительная история.

Очерк Шейнина в «Правде» о расследовании этого крайне загадочного убийства дома прочли все. И, наоборот, папа скептически отнесся к газете. тетки впервые не стали с ним спорить. Раньше они смеялись над ним, мол, он сторонник теории заговора, связывая одних с другими и объясняя цепь посадок. А тут папа сказал только одно слово «Плетнев», и все закручинились. Профессора Плетнева, чьим другом был профессор Вульфсон, а его жена ассистенткой великого врача, посадили за убийство Горького еще три года назад. Именно посадили, а не расстреляли, потому как он отвечал на письма. Почему-то пожалели, все-таки Крупскую и Ленина лечил. Но Вульфсон в этом раскладе был лишним, мог что-то знать. Потому и погиб как герой. И даже виновного не нашли, все случайная досадная оплошность. Мама быстро приняла решение – надо Мину с Валериком на дачи с собой взять. Как они одни справятся с этой бедой?

Википедия ответила мне: «Дмитрий Дмитриевич Плетнев – выдающийся врач-диагност, ревматолог, инфекционист и прочее. Лечил Ленина, Крупскую, Горького.» Слишком много тайн знал доктор, чьим именем еще при жизни назвали клинический институт. Мине Григорьевне повезло стать его ученицей и ассистенткой. А в 1938 году Плетнева забрали, и он, само собой, признался, что убил пролетарского писателя Максима Горького. Кадры решали все, и доктору сохранили жизнь, заменив расстрел

25 годами тюрьмы. Мина ушла работать просто врачом. Но в тот же год по странной случайности погиб ее муж, более нелепую смерть и представить было трудно. Еще шаг, и ее смогут обвинить в заговоре против Горького и прочих. В сговоре с Плетневым.

– Вот скажи мне, зачем они позвали на дачи такую компанию? Они же подставлялись под обвинения. Мина, ассистентка профессора-убийцы, семья Богатыревых, чей муж никак не хочет вернуться на родину, где в заложниках держат его жену и сына. Отличная тусовка, просто находка для ГПУ. – спросила я друга.

– Ну так я закажу что-нибудь, – невпопад ответил молодой врач, – Три порции хинкали, и пхали, какие есть, и Цинандали.

– Есть хочу, – извинился, не знал, что сказать.

Сколько можно копаться в давно канувшем прошлом, злился он. Хотя и его заворожили странные предметы в коробках Моссельпрома из квартиры бабушки – то шипцы для пирожных, то помповый штопор, старые фотографии мужчин в бабочках и дам в шляпках.

– Но и они тоже были под колпаком. Тетушки мотались за рубежи, крутили романы с мужчинами, которых потом сажали, дядюшка, братец их, уже сидел. Что им было терять? Хоть отдохнуть на прощание

– Может, ты и прав. Обреченным лучше быть среди своих.

– Играть в крикет, плавать, делать мороженое с клубникой?

– И взбитыми сливками. Пир во время чумы какой-то.

– А если вокруг чума, что остается? Вот их дядюшка врач остался в концлагере со своими, хотя немцы его выпускали. Так ведь?

– А сестра его не уехала из Митавы, чтобы быть с братом... А ведь верно, если нет родных и друзей, то мир уже рухнул, и какая разница, что с тобой будет. Говорят же, я умру, если ты меня бросишь. Так и есть. В чужом мире ты уже мертв.

– Надо Алека в гости позвать. Давно он в гостях не был.

В Томилино в тот год уже все дачи были заняты. Как всегда, собралась компания, которая и сняла все свободные дачи. Для Вульфсонов места не оказалось, если только угол за шторкой, но это никак не годилось. Разве только на другой станции поискать. Мама кипятилась:

– Мина отлично приживется среди всех. Ну и что – нет места! Просто мы снимем другую дачу.

На разведку отправили Лейбу-Любу. И она совершенно неожиданно нашла место по другой дороге.

– Не вечно жить по Казанке. В этом году будет Клязьма, – как фокусник, она махнула рукой, будто вынула зайца из шляпы, – Прекрасное Ярославское направление. Отличное сухое место с песком, в поселке 600 дач. Все построено правильными квадратами и потому легко ориентироваться. Все улицы названы в честь писателей, имеется кинотеатр и площадка для лаун-тенниса.

– Хватит, – оборвала мама, – Ты там сама была? Или все в справочнике вычитала?

– Была, была, – зашебетала Люба. – За комнату просят от 180 рублей за сезон. А за всю дачу – 500. И там есть электричество, и еще обещали аптеку на станции открыть. А рядом Звягино, прелестное место, там дешевле. За 140 с полным пансионом.

Так все и решилось.

На дачи в Клязьму выехали большой компанией – Кира с сыном Костей Богатыревым, их всегда брали с собой, потому как отец семейства Петр Богатырев все еще не вернулся из Братиславы.

Тетки сняли для себя отдельную дачу, рядом. Позвали и Мину с Валерием, те взяли бабушку Генриетту Абрамовну, а она второго, старшего, внука, по странному совпадению тоже Валерия. Но она не могла справиться одна с двумя мальчишками, потому пригласила кузину – Зери. И еще часто наезжал брат Мины – Николай Григорьевич, по счастливой случайности он оказался детским врачом, и приглядывал за всеми детьми дач. Общество собралось большое и разновозрастное.

Алька был еще совсем маленьким, а Костя заканчивал школу, Эльге по возрасту для игр подходил только Валерий Вульфсон-младший.

Богатыревы привезли настоящие теннисные ракетки, а Мина Григорьевна – ракетки для бадминтона. В те годы это была совершенная редкость, все играли только в теннис с мячом, а тут был воланчик с перьями. Кто-то из-за рубежа привез это чудо, на которое ходили смотреть все дачники. Вроде, обычные теннисные ракетки, но как летает этот волшебный воланчик!

У старшего Валерика был велосипед, Амалия где-то взяла напрокат патефон с пластинками. Музыка и танцы увлекали вечерами взрослых.

Мальчишки катались на велосипеде и устраивали заплывы в Клязьме, хотя вода еще не прогрелась. Тетки ловко играли в теннис, а у Эльги не получалось, мяч успевал долететь до земли, пока она только к нему примеривалась. С бадминтоном тоже не заладилось, ветер уносил воланчик. Плавать она не умела, да и не стоило учиться – женская половина общества только прогуливалась у реки. Поэтому ей оставалось лишь смотреть, как купаются мальчишки.

Впрочем, и мальчишкам вскоре запретили купание. Как-то Костя провалился в омут, от неожиданности стал тонуть. Папа Арон, хотя не умел плавать вовсе, смело шагнул в воду, ему повезло, вода едва доходила ему до подбородка, и вынул юношу. Все аплодировали папе, а вечером устроили танцы в честь чудесного спасения и героического подвига. Мама даже спела для папы какой-то немецкий романс.

Жаль, что пианино на даче не было. Семья любила музицировать, это только Эльге медведь на ухо наступил. А маме в юности прочили музыкальную карьеру, но она выбрала научную стезю, где тоже преуспела. Ее даже уговаривали получить ученую степень по общему объему научных работ и статей. Но мама отмахивалась, ей не хотелось тратить время на собирание бумаг, и она вновь уезжала в очередную экспедицию с геологами. Дома ее почти не видели, и только дачный месяц был святым, оставлялись все дела, и непременно уезжали за город, где безмятежно и безвылазно жили вместе.

Через месяц мама возвращалась в свою Академию, а детей оставляли с тетушками и бабушками. И все было чудесно, все жили вместе.

Но в это лето Эльга неожиданно заскучала, ей вдруг разонравились детские забавы брата, не увлекал спорт, читать не хотелось. Она бы с удовольствием совершила прогулку в лес, но еще не поспела земляника, и малина только отцветала.

Валерий держался отстраненно и холодно. Он, как настоящий герой, был сосредоточен на учебе и самосовершенствовании. По утрам делал зарядку, поднимал гирю, потом обливался водой, бежал к реке, кролем переплывал реку, а после завтрака садился за учебники. Этим летом он решил освоить французский. Перед обедом шел гулять вдоль реки к станции, она шла с ним и тихо восхищалась его целеустремленностью. Прогулка должна была занимать около часа, за который надо было пройти пять километров. Иногда приходилось чуть ли не бежать за ним, щеки краснели, а волосы липли ко лбу. Валерий останавливался, терпеливо объясняя, что ей надо тренироваться, надо ставить задачи и достигать их. Вот он начинал закаливание почти теплой водой, а сейчас обливается ледяной.

– Зачем? – изумилась Эльга.

– Мы должны быть готовы к испытаниям. Ко всем. Мы не знаем, что нам готовит судьба.

Она кивнула. Понятно, он гордится отцом-полярником. Но только можно же жить без испытаний. Просто жить, зимой кутаться, принимать горячую ванну, дожидаться, когда вода в реке прогреется, просто гулять, а не преодолевать километры. А если, что страшное случись, тогда и будем бороться и выживать.

Вот папа ни разу из Москвы не выезжал, здесь родился, учился, работает, по бульварам гулять ходит, семью любит, фотографией увлекается. Он, конечно, не герой. Но его уважают на работе, он даже министров консультирует. Это тетки любят танцевать. А она не умеет. И спортом не увлекается. У них в старой школе даже спортивного зала не было. Два года назад их в новую перевели, вот там есть гимнастический зал. Да только к чему он ей. Она даже не знает, кем хочет быть.

Но вот завтра пойдет гулять, если Валерий возьмет ее с собой. Она даже приготовила бутерброды и фляжку с морсом. Она сама пришла к их даче. Валерий с довольной улыбкой закрыл тетрадку:

– Двадцать глаголов! Идем гулять!

Он не спросил, согласна ли она, все – как само собой разумеющееся. В эту прогулку Валерик говорил о силе духа, которая побеждает телесную немощь. Он восторгался Джеком Лондоном, чьи герои могли выжить в любых суровых условиях.

– Как твой папа...

– Папа был сильным. Он был охотником. Ему не надо было самосовершенствоваться. Скорее, как твоя мама. Слабая женщина работает в экспедициях, а могла сидеть за своим микроскопом в лаборатории.

– А я не хочу в экспедицию.

– Но ты все равно должна себя тренировать. Ты должна стремиться к цели. Устала? – неожиданно спросил он.

– Да. Давай поедим. – она достала бутерброды и фляжку.

– Да ты готова к походу, сестренка, – улыбнулся Валерий. Она не поняла, доволен он или нет. Валерий жизнерадостно откусил кусок от бутерброда.

– Я все правильно сделала?

Валерий рассмеялся:

– Ты молодец, хотя маленькая и глупенькая. Тебя надо воспитывать и воспитывать. Я всегда мечтал о младшей сестре. А то все воспитывают меня. Требуют «орднунг унд ляйстунген». Они правы, я должен быть достойным и мамы, и отца. Это мой долг. Но мне всегда хотелось иметь человека, которому я могу пожаловаться на свою непростую жизнь. Он меня поймет и не подумает, что я плачусь. Ты будешь моей сестрой?

– Сестрой?

– Да. Настоящей сестрой.

– А у тебя когда день рождения? – неожиданно спросила она.

– Это при чем? – опешил Валерий.

– С Алеком нам общий день рождения празднуют. У него в октябре, у меня в ноябре. И где-то посередине праздник. Хорошо, если бы у тебя был вместе с нами.

– Знаешь, – заговорщицки сказал он, – Мы пока будем тайными братьями.

– Как масоны.

Валерий вздрогнул:

– Как это?

– Тетки роман вслух читали про декабристов и масонов. Там все они называли друг друга братьями. И были ими. А еще дядя Миша, – она смутилась, дядя Миша был арестован два года назад, – когда в Царицыно завод строил, показывал мне замок и рассказывал про масонские знаки на башнях.

– Как масоны, – он взял ее за руку, – Только никому не говори.

– Да. Масоны тоже скрывали.

– И дай мне слово, – он сжал ее руку, – Никому не говори про масонов.

– И тебе?

– И мне.

После создания «тайного братства» общаться с Валерием стало легко. Не надо было ждать, позовет ли он на прогулку. Она сама выходила к калитке его дачи. Валерий был пунктуален, как поезд, отправлялся гулять ровно в одиннадцать. Иногда с ними увязывался Алек, он же тоже получался брат Валерию, хотя об этом и сам не знал.

Алек был невыносим, смотрел на них с прищуром, ухмылялся и тут же делал выводы, о которых сразу сообщал. Валерий замыкался, шел молча, а она злилась на младшего братца. Но Алек с упрямством шагал рядом с ними, объяснял, что проверяет свои дедуктивные способности.

В самом начале лета он сидел при Косте Богатыреве, который читал новую книжку Кестнера об Эмиле, Костя с листа переводил младшему другу, а когда останавливался, то Алек сам пытался разгадать дальнейший ход сюжета о маленьком сыщике.

Не все совпадало, но получалось складно, Костя смеялся и обещал отписать об этом своему старшему другу Эрику Кестнеру,

Костя состоял в переписке с модным немецким писателем. Он вообще был какой-то нездешний: родился в Праге, где остался его отец, иногда к ним в дом приезжали с посылками и письмами зарубежные писатели. У Кости были все новинки европейской литературы, еще

не переведенные на русский, и самые модные граммофонные пластинки. Потому вокруг него все крутились, и все с ним и дружили.

Эльга стояла немного в стороне, в гости к Богатыревым ходила с мамой и никак не соответствовала тем девушкам, которые обожали бывать у этого «душки».

А Алек любил веселые истории новых авторов, и даже стащил книжку «Эмиль и сыщики», неосторожно оставленную Костей на веранде дачи.

Быстро прочел, привлекая к сложным пассажам многочисленных всеобщих тетушек и бабушек. А где не справился, додумал сам. В школе будет важничать, станет, как Костя. А ей что рассказать про лето? Как ходила на обязательную прогулку? Или как собирала малину в лесу?

Валерий опять над ней смеялся. Чтобы снять ягоды, пришлось поставить белый эмалированный бидончик на землю, а потом, когда он уже наполовину был заполнен, она его случайно задела, ягоды высыпались и запутались в траве. Она пыталась их собрать, но они упрямылись, цеплялись за травинки, она все от злости раздавила и перемяла, сама испачкалась малиновым соком и новую блузку испортила.

– Экая ты неуклюжая, – смеялся Валерик.

Он придумал технологию, так и сказал, сбора ягод. Нужно бидончик прикрепить к ремню брюк, тогда он не перевернется и руки свободны. Ему хорошо, а у нее и ремня нет, об этом Валерий не вспомнил, потому он, конечно, набрал быстро полный бидончик. Его будут хвалить за вечерним чаем, а ей, как всегда, все не удалось.

Папа после ее рассказа внимательно посмотрел на нее, и ей удалось не заплакать. А к следующей прогулке папа из двух своих брючных ремней сочинил ей перевязь через плечо. И все наладилось. Она собрала не меньше названного брата. И ей даже показалось, что он надулся, хотя ничего не сказал. Она поняла, что он хочет быть первым. Только неясно, как ему уступить, когда ты увлеклась и победила.

Она вообще старалась не загадывать вперед. Просто ходила хвостиком. Видно, в тетку Антуанетту пошла, которую никогда не видела. Говорили, что та за старшим братом ходила. Ребенка родила, а замуж не вышла, так и осталась жить в доме старшего брата.

Только ей Валерий не по-настоящему брат. Она старалась стать хорошей младшей сестрой и даже прочла «Зов предков» и «Белый клык», которыми он восхищался. И сказала Валерию, что ее тоже увлекают сильные герои, оказавшиеся в трудных условиях, так в предисловии писали. Валерий тут же ее высмеял:

– Ты не могла представить себя на их месте.

– Почему ты так решил?

– Тогда бы так не пыхтела к концу нашей прогулки. Но я хочу тебя похвалить, сегодня мы преодолели шесть километров.

– Откуда ты знаешь?

– У меня есть методика расчета маршрута. Считаешь шаги на десять метров и потом просто делишь.

– Ты во время прогулки считаешь шаги? – его слова ее потрясли.

– Я это делаю на автомате.

– Ты все делаешь на автомате. Но ты же не машина.

– Нет, но я к этому стремлюсь. Эмоции мешают разуму, они затмевают его, лишают нас сил. Цель не может быть достигнута без жертв, а жертвы вызывают сострадание. Это солипсизм.

Она не стала спрашивать, что это, просто кивнула головой: вечером у папы узнает. Тетки пытались расспросить ее о прогулках, но она пожимала плечами – просто гуляли. А папа, с которым она хотела бы обо всем-всем поговорить, болтал о чем угодно, и никак не получалось невзначай задать вопросы. Утешало только данное Валерию слово хранить тайну.

Это надо же, что никто в то лето не услышал их разговор про масонов. А могло все и иначе связаться. В 1951 году фронтовик и блистательный переводчик Богатырев был арестован по доносу сексота. Обвинялся в попытке государственного переворота и убийства всех членов правительства, приговорён к смертной казни, заменённой 25 годами лишения свободы. Как Валерик мог предвидеть эту судьбу, оберегая Эльгу? Или это была простая предосторожность тех лет? Без всяких теорий заговора.

Вскоре Костя с матушкой уехали, пришла телеграмма, что в Москву возвращается Петр Григорьевич Богатырев.

Через год после аннексии Чехии известный славист принял решение о возвращении на родину.

С отъездом Богатыревых все на дачах разладилось, все потянулись в Москву. Тетки со словами, что к вечеру будут, приехали через день. У мамы появились какие-то неотложные рецензии на работе.

Валерий неожиданно заменил прогулки на рыбалку, приходилось тихо сидеть рядом с ним у реки. Он объяснил, что необходимо менять вид деятельности, активность на пассивность, это стимулирует мозговую деятельность. Валерий молча следил за поплавком, а на обратном пути с тремя пескарями на леске читал стихи Симонова. Были совсем неприличные. А были и хорошие. Ей вот это понравилось:

*Плюшевые волки
Зайцы, погремушки.
Детям дарят с елки
Детские игрушки.
И, состарясь, дети
До смерти без толку
Все на белом свете
Ищут эту елку.
Где жар-птица в клетке,
Золотые слитки,
Где висит на ветке
Счастье их на нитке.
Только дед-мороза
Нету на макушке,
Чтоб в ответ на слезы
Сверху снял игрушки.
Желтые иголки
На пол опадают...
Всё я жду, что с ёлки
Мне тебя подарят.*

Услышав, она обрадовалась. Значит, он помнит, как они познакомились в 1935-м.

Тогда папа впервые принес елку, настоящую, а не ветки, которые фрондерствующие тетки, завернув в газету, каждый год тайно приносили в дом 24 декабря. Папа качал головой,

но ничего им не говорил. Это они щебетали, словно провинились и оправдываются, мол, кто на четвертом этаже увидит. Папа начинал спорить, что соседи унюхают запах Рождества. Тетки шумели, что же теперь не праздновать, у них еще с октябрьского праздника припасена бутылочка полуночного шампанского, его надо только тихо открыть. Тихо ни разу не получилось.

И вот, наконец, елку разрешили. Для настоящей елки нашлись игрушки. Только дореволюционный ватный Дед Мороз был безнадежно испорчен Алеком: он его раскрасил и подстриг.

И тут жизнь завертелась, мама обзвонила всех знакомых и назвала толпу гостей с детьми – и Вульфсонов с Валериком, и Манфридов с Эриком.

Все принесли игрушки, столь долго томившиеся по чемоданам на антресолях. Детей усадили делать гирлянды и снежинки. Лейба ими руководила, она оказалась знатной мастерицей по вырезанию из бумаги.

Амалия ворчала, что надо было праздновать 24 декабря, а это что-то совершенно другое, 31-го уже и не праздник. Все от нее только отмахивались.

Ночью детей запихнули спать в одну комнату, завели патефон и танцевали. Мама пела. А на следующий день вечером все пошли к Манфридам в Дом на набережной. У них была огромная елка, под потолок. И всем дали подарки. Эльге досталась звезда на елку и пакет конфет. А Алеку – два апельсина.

Только она не помнит, был ли там Валерик, а спросить его было неудобно. И стихи не о той елке. Неожиданно он сказал:

– Я бы хотел испытать такие же чувства, но не всем это дано.

– Почему ты так говоришь? Мы же все кого-то любим. Папу, маму, Алека, теток... – сбилась, чтобы не проговориться.

– Я о другой любви.

– Понимаю, – кивнула головой.

– Не понимаешь, – покровительственно сказал он. – Вот ты читала «Декамерон»?

– Нет. Папа против. Говорит, что не то, чтобы мне рано, а что я неправильно пойму. Мол, всему свое время. А ты уже читал?

– Конечно. Там о влечении мужчин и женщин. Но это не любовь. Влечение – сильное чувство, но оно быстро проходит. А любовь – тихая, но такова, что ты готов и на подвиг и на жертву.

– Как твой папа.

– Нет, папа любил работу, он был фанатик своих теорий. Любовь – это как твой папа.

– Он хороший, – вздохнула она, – Но он совсем не герой. Он даже в тире стрелять не умеет. Зрение плохое.

– Ты еще маленькая, – Валерий поднял ей голову за подбородок, – И ничего не понимаешь.

Она хотела сказать, что все понимает. И ей от этого страшно. Раньше она могла обо всем рассказать папе. А сейчас не может. Получается, что она оторвалась от семьи и плывет в одиночестве, как полярник на льдине. Алеку тоже не расскажешь, он маленький и все чувства считает дребеденью.

– Ты о чем-то задумалась? Расскажи, я же тебе брат.

Ну как сказать?! Она заплакала, Валерик обнял ее за плечо:

– Ну что ты, что ты... Что случилось? Ты влюбилась? Расскажи мне, кто он.

Она покачала головой. И заплакала еще горче. Мир рушился, как льдина у полярника. Всегда казалось, что все они что-то единое. Но раз она откололась, получается, что она, маленькая и глупая, не видела настоящих отношений папы и мамы, а может, и тетки не так любят мужа сестры. И почему к ним не заходят жены дяди Миши? Понятно, почему они не любят друг друга. А их-то за что? Или...

Слезы не текли, они застывали на щеках глицериновыми каплями. Или – она отщепенец, не способная жить, как все близкие и свои. И зря Валерий читал стихи и подсовывал книжки, она иначе их прочла, потому как она не такая, как надо. И как теперь быть, как жить с ними, как садиться с ними за стол, здороваться утром, выслушивать их советы? Они даже не знают, что она чужая. А она знает, что напрасно тратит их усилия и пользуется добротой.

В их семье уже был один отщепенец, о котором папа говорит только шепотом, чтобы дети не слышали. Но чем тише говорят взрослые, тем больше слышат дети. А этот плутовской роман про папиного дядюшку, родного брата его отца, был увлекателен настолько, что они с Алеком даже придумывали похождения героя дальше.

Папин дядя должен был по настоянию семьи в 13 лет жениться на 25-летней перезрелой девице, которую никто замуж брать не хотел. Но отца послушаться невозможно, и тогда юноша сбежал, крестился, взял фамилию крестного, вроде как стал русским. И сразу подался на военную службу вольноопределяющимся. Однако за то, что скрыл происхождение, был арестован и заключен в тюрьму за мошенничество.

После освобождения в 1873, скрыв судимость, вновь поступил на службу и выдержал экзамен в Михайловское артиллерийское училище. Однако после того как факт судимости был раскрыт, уволен.

Путешествовал два года по России, Австро-Венгрии, Великобритании и Франции, выдавая себя за князя Чавчавадзе, потому как был кудрявым брюнетом. Девушки и их маменьки падали ему в объятия. Однако вскоре закоренелого мошенника схватили и вновь осудили.

И тогда он от тоски стал писать романы. «Исповедь преступника» была даже высоко оценена самим Горьким. Папа гордился этим, хотя дома книжку не хранили, даже имени писателя Линева не поминали, только по фамилии и звали.

Эльге было жалко этого отщепенца, его судьба трогала ее до слез. Вот и она тоже не может быть со всеми. Это судьба.

Валерий не ожидал столь обильных слез подруги. И растерялся:

– Эль, хочешь я подарю тебе Симонова?

– Не надо, – хлюпнула носом и пошла к дачам.

– А когда вернемся, в театр ходим, говорят, там его новая пьеса про любовь.

– Не уверена, обещать не могу, – ответ обескуражил юношу, а она представила, как все будут бегать, билеты доставать, ее, возможно, захотят взять, а она откажется. Они изумятся, захотят ее понять. И тогда они ее примут, и больше она не будет изгоем. Он не дал ей додумать.

– Ну тогда давай просто в кино ходим.

– Может быть. – она хотела представить, как они все потом поймут ее, как они расскаются, только не знала, что надо сделать, чтобы так и было.

Валерий довел ее до калитки. Оказалось, что мама приехала и, как всегда, с сюрпризом. На станции она купила курицу-пеструшку. Мама шумела:

– Будут свежие яйца. Корма ей надо немного.

Алек строго спросил, как зовут курицу. И все в полном восторге кинулись придумывать ей имя. В итоге проголосовали за Кэти. От такого внимания курица метнулась в сад и пропала. Все побежали ее искать, не поймали, но нашли яйцо в траве.

– Ну я же говорила, она прекрасно несется, – потрясала яйцом мама.

– А курица где? – спросил пытливый Алек.

Все понеслись искать курицу, та резво бегала по саду, уворачиваясь от преследователей.

– Ату ее! Загоняй, загоняй! – орал Алек.

Валерий прыжком преодолел тропинку и схватил курицу. Крики ликования были наградой охотнику. А он стоял с курицей на вытянутых руках, та вдруг стихла, втянула голову и даже не пыталась вырваться. Валерий и сам был изумлен своим подвигом. И вдруг вручил курицу Эльге, будто это букет из перьев.

Эльга взяла ее на руки, как котенка. А все растерялись, куда эту несушку теперь пристроить. В дом? Хозяйка будет возражать.

– Надо построить ей загон, – вошел в себя Валерий, снова напустив на себя взрослый строгий вид.

И они с Алеком тут же принялись за дело, хотя строить было не из чего. Они собрали какие-то ветки, тетушки принесли картонки и веревки. Через полчаса загон, похожий на гнездо, был готов. И Эльга – у нее уже затекли руки – поставила туда совершенно ошалевшую курицу. Курица от пережитых событий сразу заснула, и все отправились пить чай на веранду.

Валерий был героем дня. Мина Григорьевна гордилась сыном.

А утром курица сбежала, разломав шаткую постройку. Валерий рванул ее искать, но Эльга остановила его, взяв за руку.

– Постой, яйца растопчешь. Пойдем, поищем ее, только осторожно ступай.

Курица, действительно, отложила два яйца в траву и спряталась в заросшем малиннике. Алек, выбежавший позже, нашел еще одно яйцо и радостно вернулся с добычей, заявив, что он лучший охотник за яйцами. Валерий предложил сначала построить основательный загончик, а потом ловить Кэти.

Валерий серьезно подошел к делу, принес со станции стройматериалы, выкопал ямки под колышки и начал связывать плетень из ивовых веток. Алек помогал ему, но потом ему наскучило, и он убежал искать яйца и курицу. А Эльга помогала Валерию, подавала прутики, держала узлы, иногда касаясь его рукой. Хорошо, что брат убежал.

К вечеру они закончили основательный загончик и даже травы туда накосили. Да только Кэти в загоне нестись перестала, пришлось выпустить свободолюбивую пеструшку на волю. Мальчики по утрам весело охотились за яйцами, возвращаясь к завтраку чумазыми и поцарапанными. Эльза мазала их зеленкой, и они мужественно терпели. А мама радовалась, что не зря купила эту сумасшедшую курицу, каждое утро к завтраку два-три свежих яйца. Это редкость для несушки, не иначе у Кэти брачный период.

Перед отъездом в Москву пеструшку подарили хозяйке. Эльга заплакала: лето кончилось на какой-то незаконченной фразе, ей хотелось еще дожить эту дачную историю.

– Ты почему плачешь? – спросил Валерий перед машиной, в которую грузили подушки, корзины, одеяла, банки с вареньем.

– Курицу жалко, – неожиданно соврала она, – Из нее суп сварят.

– Нет, не сварят, ее еще поймать надо. А когда поймают, дальше продадут.

– Правда?

– Конечно, я тебе обещаю. Она вон какая яйценоская.

Как ему объяснить, что это лето прошло не так беззаботно, как всегда было. Что она стала иной, и все это поняли, как она ни скрывала, и больше не будет, как прежде.

А как будет, она не знает. И что делать, чтобы все было хорошо, тоже не знает.

– А знаешь, мы с тобой приедем в сентябре, когда все в школе определится, и проведем Кэти, семечки ей привезем. Я скажу об этом хозяйке, и тогда она ее точно пощадит. А если вспомнить, что Кэти все время бегает, то мясо ее жестковато. Так что в суп она не годится, – Валерий пустился в пространные объяснения, веселясь собственному красноречию.

– Да ну тебя, дурак! – пнула она его, и слезы остановились.

Дачная жизнь занимала в бабушкиных воспоминаниях главное место. Она точно называла место, год и дату выезда, вспоминались все окружающие дачники и особенности поселка. Даже сорта яблонь, что росли в саду, она помнила – пипин или мельба. Устройство печи в доме и приключения всех друзей. Имена нянь и детские болезни. Привезенные из города продукты и местные деликатесы.

Год маркировался не событиями, не погодой, а дачами. В 35-м отдыхали в Катерево под Истрой, там можно было кататься на лошади, а потом в Жуковке, которая много лет спустя стала пафосным поселком, там вечно горели дома, бабушкин папа помогал тушить, и от перегрева лопнуло стекло его часов – такая мелочь осталась навсегда в памяти. Кстати, как она потом поняла, шла коллективизация, поджогов было много.

Потом сняли в Виноградово, от станции было далеко, но хозяйка позволила разбить свой огородик, мама посеяла укроп и лук, а тетки цветы, и они вечно ругались из-за того, что растения друг другу мешают.

А в 34-м уехали в Буденовку под Одессой, первый раз на море, – дядя Миша дал денег, он как раз премию получил. Но там всем было скучно, потому что все общество осталось под Москвой. А Эльге понравилось. Ее, спасая от воспаления почек, закапывали по пояс в песок и кормили абрикосами и арбузом. Там она впервые попробовала жареных бычков и баклажаны и навсегда полюбила эту южную кухню. И еще ей там друг по возрасту нашелся – старший сын хозяйки Володя. Потом она увидела его среди олимпийских чемпионов, это точно был он, слишком редкая фамилия Куц. Хотела к Владимиру Куцу подойти, но застеснялась.

В 36-м году жили в Томилино, где компания человек в двадцать собралась. А потом Томилино отменили, и перебрались под Клязьму.

Что было между дачами, рассказывалось редко, потому что это было лишь ожидание выезда на дачи. Туда, где все вокруг свои, где не надо приглушать голос, не надо озиаться и обрывать фразы, по ночам прислушиваться к звукам в подъезде. Пусть все будет потом, все равно будет осень, слякоть и холод, когда можно только ждать свободной дачной жизни.

Тогда и школа легче проходит, где что ни делай, а все ты не лучшая, неуклюжая, не отличница, не активист, в самостоятельности не поешь, стенгазету не рисуешь. Тихо приходишь, тихо сидишь на уроке, даже руку не тянешь, тихо уходишь. И никто тебя не видит.

Ни одного одноклассника она не вспомнила за всю жизнь. Только прекрасные дачные друзья. И удивительная жизнь. Почти как у классика:

«Гости съезжались на дачу***. Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую итальянскую оперу. Мало-помалу порядок установился. Дамы заняли свои места по диванам. Около их составилась кружок мужчин. Висты учредились. Осталось на ногах несколько молодых людей; и смотр парижских литографий заменил общий разговор».

Все так и было, и надо было просто дожидаться июня, когда все съедутся на дачу.

Она всегда умела терпеливо ждать. Когда война кончится, когда из эвакуации вернутся, когда срок по распределению завершится. Когда лето наступит. И там снова все будут свои, и даже смеяться над ней будут необидно.

Самая русская забава – дача. Сначала тебя отправляют с бабушкой на свежий воздух, а родители приезжают раз в неделю, так что ты их успеваешь и забыть. Потом тебя с упорством вывозят на все лето в это гетто, где тебе предлагают дружить с соседскими детьми. Хорошо, если они хотя бы по возрасту с тобой совпадают.

Потом ты ненавидишь это времяпровождение, получается, что это уже ты с бабушкой сидишь, а дальше ты везешь свою большую компанию на шашлыки, чтобы выслушать от родителей упрёки, как вы загадили участок. И ты снова туда едешь, добровольно.

Вон и трудолюбивый интернет пишет:

В 1803 году историк Карамзин отметил, что летом Москва пустеет, а её жители устремляются за город. В 30-х годах XIX века в тогдашних ближайших пригородах Москвы – в Кунцево, Сокольниках, Останкино, Перово – стали появляться специальные места для летнего проживания. Бурное развитие дач началось в середине XIX века, когда появились железные дороги и «посёлки для отдыха» стали строить подальше от города – в Химках, Ховрино, Лианозово, Тарасовке, Пушкино, Малаховке.

Дачи как место отдыха состоятельных горожан получили распространение в России с 1860-х годов. На рубеже XIX – XX веков дачная жизнь стала массовым социальным явлением, характерным только для России.

Самым известным посёлком в те годы была Перловка, принадлежавшая московскому предпринимателю и чаеоторговцу Василию Алексеевичу Перлову, основателю фирмы «В. Перлов и сыновья». В 1880 году в посёлке насчитывалось 80 дач. В каждом домике был душ и персональный туалет, на берегу реки Яузы были оборудованы купальни, два раза в неделю в посёлок привозили музыкантов, в летнем театре выступали московские театральные труппы. Попасть в Перловку, по воспоминаниям современников, считалось за счастье, аренда дач оплачивалась за три года вперёд, а её стоимость была сопоставима с жильём в центре Москвы.

По состоянию на 1888 год вокруг Москвы насчитывалось более 6000 дач, расположенных в 180 посёлках, куда в тёплое время года переселялись до 40 000 человек.

До начала XX века отдельные дачные строения были редкостью. Отдыхающие ютились на задворках крестьянских изб в наскоро сколоченных хибарках или в самой крестьянской избе, перегородженной на отсеки для 6–8 семей с общим входом. Сдача внаём избы для некоторых крестьян из ближнего Подмосковья была основным источником дохода.

Семьи московских дачников жили за городом с весны до осени – в город, как правило, выбирался на службу лишь глава семейства. Большинство дач строились неподалёку от станций железной дороги, путь до города не занимал более сорока минут.

Электричества на дачах не было – освещение производилось при помощи керосиновых ламп, вода бралась из ближайших рек.

Особой популярностью вплоть до 1917 года пользовались дачные балы.

В дачных посёлках не было охраны, поставить забор считалось дурным тоном.

– Да и зачем они нужны?! – говорила бабушка, – Когда у нас был патефон, у Богатыревых – прудик во дворе, у кого-то качели, не ходить же детям через улицу, так и бегали с дачи на дачу. Все это было общим, для всех.

Героические люди, добровольно рвануть к керосинке, туалету на улице и воде из колодца, утверждая, что ничего вкуснее не пили.

Или еще про корявую подмосковную антоновку тоже выступление неплохое, мол, ничего нет лучше сорванного своими руками яблочка. А без этого кошмара ты вроде как неполноценный, как же лето без дачи.

А ее сын, мой папа, ненавидел дачу.

Под давлением обстоятельств – привезти продукты или просто побыть на семейном празднике, он, конечно, приезжал с лицом страдальца. Его злило буквально все – трава, насекомые, туалет на улице, отсутствие телефона, тишина, отсутствие горячей воды, восклицания всех, как хороша в этом году смородина и как прекрасно поднялся девичий виноград. Он съедал с куста горсть смородины или крыжовника, по сезону. Собирал для всех тарелку ягод к

столу и, сославшись на головную боль, ложился отдохнуть, с тем, чтобы потом отобедать и быстро смыться в Москву.

Его не радовало цветение сирени, первые тюльпаны, кислая малина и вечерний чай на веранде. Ради маменьки он отбывал эту тяжкую повинность. Папа мой Миша и в детстве отчаянно скучал в Тучково, Томилино и где-то еще, куда его ссылали.

Бабушка Эльга никогда не рассказывала сыну о дачах юных времен. Но что-то витало в кустах малины, колючках крыжовника, что-то не так было в его семье.

Его отец вечно молчал, курил трубку, читая газету, и никогда не участвовал в общем разговоре, а если появлялись гости, то он уходил играть в шахматы с самим собой, а потом пенял, что Эльга слишком много болтает. И вообще, она ветрена и легкомысленна. Эльга не успевала ответить, он вновь уходил с трубкой в сад.

Что-то важное взрослое они скрывали от моего папы, сохраняя образ прекрасной семьи, которой она не была, наверное, никогда. Только тетки замолкали, а дед Арон и вовсе не ездил с ними на дачу, Алек женился и перебрался к жене.

Но мой папа всегда был уверен, что лучше его семьи и нет на всем свете, что там все правильно и красиво, только он своими двойками и прогулами в школе нарушает общую идиллию.

И только лет в тринадцать мой тогда еще маленький папа стал догадываться, что что-то, вернее, все не так. Родители улыбаются, соблюдают правила игры, чтобы он не догадался, чтобы у него не было детской психотравмы, только и самим им не весело. И все это вранье – ради него, чтобы он верил в идеальный мир. Только он обо всем догадался, и получается, все их усилия напрасны. Все домашние могли жить отдельно друг от друга, сами по себе, но они ради него притворяются и прикидываются счастливыми.

В тот день, когда он все понял, он сбежал, сам не зная куда, просто сбежал. А тут над Варваркой, как семья улицу Разина называла, дым повалил, любопытные зеваки уже толпились. И он со всеми побежал, оказалось, гостиница «Россия» горит. Пожарных расчетов нака-тило видимо-невидимо, телевидение приехало. Картина была ужасная: люди в окнах гостиницы стоят, пожарные по лестницам ползут, а лестниц не хватает, не дотягиваются они, кто-то уже от ужаса вниз бросился. Кино какое-то.

И все отступило, забылось. Он услышал крик: «Дурак такой». И кто-то стукнул его по затылку, он даже опешил, так кричать могла только мама. Ей самой казалось, что она в эту минуту строгая. И тогда он уткнулся в нее, она говорила, что искала его везде, потому как пропал, а тут пожар. И без него смысла в ее жизни нет.

В лоб давила пуговица ее кофты, а он все равно прижимался к ней и плакал. От счастья, что нашелся, что его искали, и еще много смыслов и слов было, но они вышли не словами, а всхлипами и какими-то рванными мыслями. Тогда все и определилось.

Миша вырос, но остался маленьким и не хотел быть старше, хотел всегда жить с мамой и тетками. В день пожара Миша сказал ей, что никогда, никогда не бросит ее, потому что любит. Тетки дома поджали губы, сказали, что он поступил «зер шлехт», но им и самим было интересно про пожар узнать. До полуночи они ели пирог с орехами, и Миша рассказывал, как было страшно.

В этот день он был главным со своими рассказами. А отец так и не вышел к столу, его куда-то запихнули, чтобы не кричал на мальчика после такого счастливого спасения. Больше они с отцом и двух слов друг другу не сказали. Только когда он принес школьный аттестат со всеми тройками, отец покачал головой и ушел курить на кухню. В институт в тот год Миша не поступил.

Ну это понятно, решили все. Мальчика недооценили, не поняли. Тетки принялись звонить каким-то друзьям и знакомым. И хотя их друзья уже были не у дел, но все равно помогли, пристроили его работать в институт вирусологии, пробирки мыть и кроликов кормить. Кро-

лики были прекрасные. И жизнь тоже. Только вот приходилось с каким-то найденным тетками биологом заниматься вечерами пестиками и тычинками.

И все равно на следующий год он провалился, физику не сдал. Ну, это понятно, объяснила семья: слишком у нас непоседливо-одаренный мальчик, и евреев, само собой, всегда притесняют.

Пришлось моему папе идти в медучилище, а потом, как ни пытался откосить от армии, изображая придурка, все одно замели в стройбат, на самый Сахалин отправили. Оттуда он присылал семье лимонник и еще какие-то травки. А вернувшись, сразу поступил со своей пятерочкой по биологии. Вот и дома свой врач будет, как дядя Гриша, обрадовались все.

В предпоследнее предвоенное лето произошло еще одно событие. В поисках яиц Алек набрел на гнездо птицы, где лежали маленькие бурые яйца в крапинку. Странная птица решила вывести птенцов в конце августа, будто лета ей было мало.

– Значит, год будет особенный, – важно заключил Валерий. – Птицы на второй выводок решились.

– Теплый?

– Холодный. Выживут не все. Потому они еще раз несутся. На всякий случай, с запасом. Это же закон природы.

– Джунглей, – закричал Алек и понесся по саду, изображая индейца. А вечером хищная толстая сойка решила разорить гнездо, бедные ласточки металась и кричала, Валерий кинул камень в сойку и попал, сойка подергалась на земле и испустила дух.

– Ты ее убил?

– Это было необходимо, она бы сожрала этих еще не родившихся птенцов.

Эльга заплакала:

– Надо ее похоронить.

– Я... Я нечаянно, – растерялся Валерий. – Я не хотел. Так вышло.

Я птенцов защищал. Думал, ее просто отпугнуть.

Большая розовая птица лежала на дорожке, так близко, что были видны все распушившиеся перья. Она ушла в дом. А через час не было ни птицы, ни Валерия, наверное, он ушел к себе.

Осенью и зимой она с Валериком так и не встретилась. Все завертелось, потом она заболела ветрянкой, мама с Алеком уехала жить к знакомым. Потом ей с таким лицом ни с кем встречаться не хотелось. Под всеми подразумевался Он. И где-то после Нового Года они с мамой зашли к Мине Григорьевне на Покровку, просто так, по случаю. Но Его не было – в спортзале тренируется, могли и не заходить.

Правда, иногда в почтовом ящике находились четверо сложенные записки, помеченные буквой «Э». Он бодро писал всякую глупость: «Никак не удастся, дорогая сестренка, сводить тебя в кино. Приходится много заниматься. Надо готовиться к выпускным испытаниям. Я подвел итоги и выяснил, что у меня много провалов. Я совершенно запустил литературу, читал бегло и далеко не все, что положено. Сейчас наверстываю. Много занимаюсь алгеброй – без нее ныне никуда. И тебе советую поднажать на матаппарат. В.»

А перед Новым годом письмо принес Алек и стал прыгать, размахивая сложенным листочком, как дикарь:

– Уууу!! Йо-йой! Тебе послание! Я принес! Как вестовой. О дева, чем вознаградишь ты гонца?! Йооо!

Стоило бороться с этим дураком, когда там просто поздравления с праздником и отчет о том, сколько еще предстоит изучить в наступившем году. Он и ей советовал поднажать на точные науки. И крепко жал руку, желая всех успехов в новом году.

А весной она достала из почтового ящика еще одну записку, где он вновь желал всех успехов и советовал обязательно посмотреть кинокартины «Переход», «Брат героя», «Гибель «Орла» и «Эксперименты по оживлению организма».

Получается, он ходит в кино, без нее.

Она тоже пошла с Алеком и его вечным дружком Юркой, в «Арктику», что была в прежней кирхе. Мальчишкам фильм понравился, но она старше. Зачем ей фильм про младших школьников? Опять он над ней смеется, указывая ее место.

А ведь это он приносил записочки в ее дом, бросая их в ящик, так и не решился позвонить в дверь. Наверное, он ждал, что она просто возьмет трубку телефона и позвонит, спросит про кино. Или так же отправит письмо. Или, еще лучше, сама принесет записку, а он ее случайно встретит. И они совершенно случайно пойдут в кино. На совершенно бесполезную, по его мнению, «Музыкальную историю» с Лемешевым.

Эти мысли занимали ее больше всего, и она даже не заметила, как началась последняя четверть, и тройки заняли весь дневник. Даже учительница немецкого спросила:

– Что с тобой? Ты где-то витаешь! Путаешься во временах. Хотя произношение прекрасное, наверное, у тебя хороший репетитор.

– Три.

– Что три?

– Репетитора три.

– Тогда совершенно непонятно, почему ты не подготовила темы.

– Я все сделаю, – ей даже не было стыдно и не было страшно, чем кончится этот год. Какая разница, если они так и не пошли в кино. Она долго шла из школы, петляя по переулкам.

Как было объяснить учительнице, что она с трудом понимает разницу русского и немецкого, если она даже дома этого не может сказать. Там не только в лексиконе дело. Слова – ерунда, их можно выучить или просто запомнить, подобно попугаю. Но вот как с колобком быть. Русский и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от зайца ушел, а потом поддался на лесть лисы, и тут его и съели. А немецкий толстый жирный блинчик (dicken, fetten Pfannkuchen) бегал от всех, бегал, а потом сам в корзинку к трем голодным детям прыгнул, чтобы накормить их. Она хотела это обсудить с Ним, но он молчал. Она даже несколько раз прошла по Покровскому бульвару, близ их дома, но, увы, напрасно.

Весной Эльге стало казаться, что идущий впереди старшеклассник – Он. Все вокруг было про Него: афиша фильма, книжный, наверное, здесь он учебники покупает, кондитерский в Ивановском переулке – такие булочки он любил, цветочный на углу – ему и в голову не пришло подарить ей цветы. Но больше всего ей нравилось сидеть за шторой на подоконнике, смотреть в двор-колодец, мечтая, что она сейчас увидит, как он идет со своей запиской.

И самое странное, что записка в почтовом ящике появилась, а Его она так и не заметила. Записка была строгой: *«Дорогая сестренка, вот уже конец года. Как ты его закончишь? Надеюсь, что ты приложишь все силы, чтобы не было стыдно перед родными. А я снова к столу,*

еще три учебника, которые надо проштудировать. Надеюсь, выйти из класса если не первым, то хотя бы вторым».

А что она ему скажет, когда у нее сплошные «уды». И как объяснить, почему ей совершенно не интересно было в этом году учиться? А может, ее назначение в ином? Не все же должны переводить и преподавать, не всем дается аналитическая химия, не все ее так преданно могут любить.

Вот, говорят, бабушку Рахиль, которую она никогда не видела, она с папиными братьями и сестрами в 1924-м уехала в Палестину, просто научили на роялях играть да и замуж отдали, правда, ей не повезло, за нелюбимого, хотя и влюбленного в нее без памяти. Она сидела дома и книжки читала, хозяйство ее не увлекало, дети не забавляли, даже раздражали, слишком на рыжего мужа похожи. Только младший ее радовал. Дома перемигивались и многозначительно говорили, что не похож он на ее мужа Элиагу, это точно. Тетки вообще любили позлословить, во всем видели интриги и тайны. Говорили, у бабушки был свой выезд и бриллианты.

Эльга видела во дворе своего дома примадонн, что к Льву Оборину, их соседу, ходили, их, конечно, привозили на машинах, но бриллианты на них не видела. А может, она и вовсе не понимает, что такое бриллианты. Ей всегда казалось, что это как на картинах в Третьяковке, что-то внушительное и красивое.

Бриллианты бабушки Рахиль ушли на строительство колхозов, называемых кибуцами, и бабушка там тосковала по снежной Москве, где остались сын и выезд. По чему она больше тосковала – неизвестно. Но об этом было запрещено говорить, а тем более нельзя было мечтать о жизни «курицы, что вечно сидит на насесте и смотрит в окно». Потому надо как-то закончить шестой класс.

Как-то так, чтобы родители и тетки не узнали о случайно возникших проблемах в школе.

Жаль, что у нее нет бабушки, она бы поняла. Мама с сестрами рано осиротели, а папина мама живет в далекой Палестине, куда никто никогда не попадет.

У Валерика есть бабушка, хотя она его замучила своей опекой, но, наверное, он на самом деле так не думает, просто он хвастается бабушкой. Ему нравилось капризничать и восставать против их бесконечной заботы. К тому же, у Валерика было две бабушки, которые вечно его контролировали. А у нее, Эльги, ни одной.

Когда моя бабушка в начале нового тысячелетия впервые все-таки попала в Израиль, она увидела многочисленное потомство своей бабушки Рахиль, детей ее детей, братьев и сестер своего папы – Брайны, Ханны, Абраши. Тех, кто уехал, и тех, кто уже забыл, что уехали их родители. Они их сразу узнали в аэропорту, так были похожи они на Алека. «Арестова порода», – сказала бабушка. Израильские родственники радовались, как дети, обретенной сестре. И вспоминали, как их любимая бабушка плакала:

«Зачем уехали в эту пустыню из замечательной Москвы?!»

«Вот Арошка сидит там, икру по лысине размазывает, а они тут в полях гнутя, чтобы морковку вырастить», – повторяла им бабушка.

Упрямая Брайна, которой в Московском университете прочили карьеру выдающегося математика, утверждала, что рано или поздно здесь будет город-сад, они верят в землю обетованную. «Ну и оставалась бы в советской Москве, – причитала бабушка, – Там таких истовых любят». И все внуки Рахиль, слушая рассказы о прекрасном граде Москве, завидовали Арону и его детям. Хорошо им живется в Москве.

Это только в 45-м они узнали о судьбе своего народа в Европе. И устыдились своей зависти.

А потом самый младший любимчик семьи Абраша как представитель нового государства Израиль через сорок лет после отъезда попал в Москву, нашел старшего брата. Арон жил все в той же холостяцкой квартире на Солянке, с женой, двумя детьми, сестрами жены, шумно и весело. И бедно. И опасно. Абрам пригласил старшего брата в Большой театр, где Арон последний раз был где-то в 1920-м. А сейчас это только для иностранцев, таких, как вот его младший брат.

Вернувшись в Хайфу, Абрам рассказал семье о быте москвичей, и снова всем стало стыдно за зависть свою. Так на Эльгу братская любовь и пролилась, за всех. Ну и мне немного перепало.

Дома не замечали ее состояния, но и школьный дневник не спрашивали. А может, просто делали вид, что не понимают причину ее меланхолического состояния.

В апреле стали искать дачу. Амалия важно читала справочник о дачах, а Эльза смеялась над ней, справочнику уже более десяти лет, а она все в него верит.

– Какое направление выбрать? – Амалия впервые надела очки, потому спустила их на самый кончик носа.

– На Казанском уже столько раз были.

– Может, Киевское? Богатыревы тогда точно с нами поедут, у них там своя компания.

– Объединимся.

– К ним иностранцы приезжают, – мечтательно сказала Эльза.

– Это слависты, – махнула рукой Амалия, – Они выросли на Чехове, русская дача с крыжовенным вареньем – это их мечта.

– А твоя мечта – хороший кофе, – не преминула ущучить сестру Эльза.

– Словом, надо спешить, иначе будем жить в сарае на задворках, – заключила мама, остановив спор старших сестер.

Рея была самой младшей в семье Якубовичей, но ее слово было последним. Еще в Латвии она, когда отец овдовел, стала хозяйкой большого дома, а перебравшись в Москву, одна из всех сестер вышла замуж и приютила их, которые и растили ее детей, Алека и Эльгу, – обычная история.

Дачу в Переделкино сняли, но ехать не спешили. Тетки загадочно шептались, куда-то ходили, что-то явно затевалось, тайное и будоражащее.

Тетки всегда были модницами и затейницами. Было отчего: старшая в 1929 была в Америке, откуда привезла целый кофр нарядов – узких юбок-пеналов, мужских рубашек ее крохотного размера, галстуки, булавки для галстука, туфли с каблуком рюмочкой и ремешком. Кофр стал шкафом в ее комнате: кожаный, огромный, с медными застежками. В нем был даже ящик с ключиком, где тетка хранила свои булавки, брошки, клипсы и письма, перевязанные розовой лентой. Были и стопки с синей лентой и просто с бечевкой.

Ее средняя сестра в конце 20-х ездила в Берлин, переводила с немецкого красным инженером.

Потом эти мужчины приезжали к ним на дачу в Томилино, в белых брюках и парусиновых туфлях, играли в крикет, пили чай из самовара, смеялись, потом мужчины пропадали, а тетки привозили новых друзей. И снова играли в крикет. Ели мороженое: мороженицу привезла одна из теток из какой-то поездки. А мужчины приносили шампанское и конфеты.

Эльгу всегда брали на прогулки по поселку. На станции мужчины купали всю клубнику и смородину, и Таня, домработница, варила варенье-пятиминутку к вечернему чаю, Эльге доставались пенки. Алек гордо отказывался в ее пользу: мальчишки сладкое не едят. А она ела.

Все равно она не будет такой изящной, как тетки. Она уже толще, чем они. Пыталась юбку старшей тетки примерить, но десяти сантиметров на поясе не хватило. Даже если пуговицы переставить, все не сойдется.

А в выходные все катались на лодках. Теток заносили в лодку на руках, чтобы они не снимали изящных кукольных туфель, Эльге их размер уже в 13 лет не подходил. Эльгу тоже переносили в лодку, но без смеха.

Она все понимала, потому и оставалась в гамаке с книжкой, хотя и читать не хотелось.

Это Алька все подряд читал – справочники по химии, ее учебники, журналы, даже счета за свет. А потом еще и легко их цитировал.

Она даже не обижалась, что первые мандарины или клубника доставались ему, он же слабенький, вечно чем-то болеет, а она старшая, крепкая, розовощекая. Потому и на дачу выезжали еще в мае, Альку забирали из школы до окончания года, а она оставалась с папой в Москве, чтобы в пятницу вечером отправиться на электричке с Казанского вокзала. Алька встречал их на станции. И они шли к даче, где уже кипел самовар, а все гадали, что они везут к чаю.

В это лето все пошло как-то не так, как-то странно. Вместо Томилино выбрали Переделкино. А в конце июня и вовсе собрались в Митаву. Вдруг передумали покупать Алеку велосипед, хотя еще зимой обещали. Потом, потом, после возвращения из Латвии, ему еще надо научиться кататься.

Словом, в июле. Обязательно купят, он же заслужил своим отличным аттестатом.

Эля загрустила, вспомнив свои четверки. Особенно за немецкий дома достанется, тетки через день ее муштруют, это же их родной язык. И все равно – «хорошо» вышло за год.

Повезло, что аттестат в этот день не пришлось предъявлять: дома была гостья, Элю тоже за стол позвали. Мирра Иосифовна, шумная дама в разноцветной шали, прикладываясь к зеленому ликерчику, хвалила волосы Эли, и кожу, что как персик.

Эту гостью Эля видела впервые. Сначала подумала, что она принесла вести о дяде Мише. Но вряд ли, тогда бы взрослые закрылись в комнате, говорили тихо. А тут тетки как-то натянуто улыбались и кивали головами, а временами младшая тетка Эльза еле сдерживала смех. Но зачем-то она пришла, а при прощании в передней сказала многозначительно: «Ну что же... До завтра».

Утром Мирра принесла два чудесных платья – лиловое с рукавами фонариком и лентой по поясу, а второе – серебристое с длинным рукавом и кружевным воротничком.

– Это мне? – она не поверила счастью, платья скользили в пальцах.

– Пора, – тетки радовались, – Ты выросла. Совсем девушка.

– Это к дачному сезону. Время наряжаться.

Эльза кинулась в комнату, принесла брошку и заколку для галстука.

Алька с приятелем оторвались от шахмат и вышли на шум.

– Это стоит велосипеда, – важно оценил младший брат. Приятель Юрка согласно вздохнул: он так надеялся, что они будут кататься по очереди на новеньком велосипеде.

– А почему такая тайна вокруг платья?

– Они так хотели. Я потом случайно узнал, что Амалия отдала свой гонорар за перевод статьи, а Люба взяла ночные смены в больнице. Не хотели, чтобы она знала. Просто так – раз и ты проснулась принцессой. Мы после этого перестали с ней драться или возиться, как

дети. Вдруг она стала взрослой, будто перешагнула в другой мир, на нее можно было только смотреть, не пихнуть, не тронуть... А мы все еще оставались мальчишками. Но и с нами что-то случилось в тот день, мы увидели, что она девушка, Постаревший рыжий еврейский мальчик в потрепанном пиджаке с чужеродными пуговицами был смущен своими же словами.

Дачу в Переделкино сняли далеко от станции, близ туберкулезного санатория, куда на лето устроилась работать Люба. Сняли выгодно, потому как хозяйка, работавшая там же санитаркой, по утрам выдавала кувшин молока и ягоды по сезону, да и в гостях жильцов не ограничивала.

Переехали сумбурно, в один день, уже на месте выяснили, что забыли дома кота. Папа обещал его привезти, но не привез, кот сбежал. Эльга было надулась, но тут приехали гости, Мина Григорьевна с Валерием. Валерий вырос, посуровел, резко повзрослел, он уже выдержал испытания на аттестат и сейчас должен был определиться с профессией.

После чая Валерий пригласил Эльгу прогуляться к Сетуни. Тетки кивнули, Эльга, правда, улыбнулась – речка давно высохла, только грязная канава и осталась. Лучше – в писательский поселок, там народные артисты иногда по улице ходят, просто так, запросто. Валерий возразил, что там слишкомлюдно, а ему хотелось насладиться покоем. Алек увязался было с ними, но тетки его остановили, неожиданно засадили за учебники. Он даже перечить не стал, настолько удивился. Все знали, что он круглый отличник, и никогда не докучали проверками уроков и успеваемости.

На улице Валерий сразу спросил:

– Ты будешь мне писать?

– Куда? – не поняла она. Новые туфли безжалостно жали ногу, но дома велели надеть эти бежевые на каблучке.

– Я решил поступать в училище морских инженеров в Ленинграде.

– Но ты же должен стать полярным биологом...

– Кому должен? Матушке? Себе? Стране?

– Твой папа...

– Почему я обязан быть, как он? Потому что он погиб? Почему я обязан оглядываться на него, если я видел его только пару раз в году. Он вечно торчал в каком-то Баренцевом море, мхи собирал.

– Да. – что ему еще сказать, – Морская форма – красиво. Моряки, летчики...

– Какая глупость! – он развернулся и ушел к дачам.

Да, она всегда была глупой. Что из нее может получиться? Это Алек весь в дядю Мишу, все ее учебники уже проштудировал, ясно, будет выдающимся ученым. Друг его Юрка на виолончели играет, музыкантом станет. Чтобы как мама в геологической партии ходить, силы нужны и буйная энергия, а у нее этого нет, значит, не найти ей кого-то, похожего на папу. И будет она, как тетки, одинокой, только у нее и поклонников не будет таких, как к ним на дачу приезжают. А у нее даже первая прогулка лета не задалась.

Худенькая девочка с рыжим хвостом пронеслась мимо на велосипеде, за ней катили еще три велосипедиста. А она и кататься не умеет.

По дороге к даче заметила на лавочке еще одну девочку в соломенной шляпе, она с важно-капризным видом читала английскую книжку, не поднимая глаз на крутившихся рядом с ней мальчишек.

Понятно, что принцесса, но она-то тоже по-немецки и французски читает, но кто это узнает. Это же надо так красиво сидеть, такими тонкими пальцами неспешно страницы листать.

А у нее пальцы короткие, ручки пухлые, ничего не сделать, и платье не помогло, и туфли эти дурацкие тоже не помогли. Думала – свидание, а все пошло не так.

У калитки Валерий учил Алека кататься на велосипеде. И где они только его взяли? Она постаралась тихо прошмыгнуть мимо них, но Алек закричал:

– Смотри, как я умею поворачивать.

Мальчишки с завистью смотрели, как «старший друг» учит Алека, а ее брат важничает. И тем, что быстро получилось, и тем, что есть «старший брат», и тем, что Эльку отодвинул.

Она гордо прошла мимо них, даже голову не повернула, хотя хотелось увидеть, как они отреагировали. Сосредоточилась на том, чтобы с шага не сбиться. Взяла первую попавшуюся книжку на веранде и ушла к гамаку. Открыла и стала читать, оказалось – «Справочник фельдшера», чушь какая-то, но не менять же, а то расплачется от обиды.

Ей всегда хотелось жить, как дома жили: большая семья, общий обед, который на самом деле был ужином, когда все возвращались с работы, супница, скатерть, салфетки, ликерчик под конец трапезы, долгие беседы до самого сна, когда она уже клевала носом, но уходить не хотела.

И сейчас не хотела, а эти дураки проклятые все катались на велосипеде, поднимая пыль, которая и до нее долетала.

Пока была малышкой, казалось, что большая счастливая семья будет вечно. А в 37-м перед ее днем рождения дядю Мишу забрали. Он в тот день веселый пришел с цветами и большим тортом, еще в передней потребовал чай ставить. Ей сказал бежать к картине, где дети в лесу заплутали, посмотреть, что они нашли.

Картина была всегда, ее чуть ли не из Латвии привезли. Большая. Дети шли по лесной тропинке. Дядя Миша придумал историю: дети не просто гуляют, они ищут подарки, а потом выкладывают их под рамой. Подарки всегда находились. Только было грустно, что они с Алеком детям в картину не могут гостинчик передать.

А ей было уже почти десять лет. Что могут найти эти рисованные дети, мальчик и девочка? Но дядя Миша настаивал, подначивал, как перед Новым Годом, когда требовал верить в Деда Мороза. Она не верила, но любопытство толкало вперед, и подарки находились.

Взрослые смеялись над ней, хотя она была уже большой и серьезной. И тут, потоптавшись в прихожей, она пошла к картине, на полу лежали апельсины и шоколадка. «Дети не зря гуляли, – смеялся дядя Миша, – А ты сомневалась». Все уже были в предвкушении праздника.

Эля посмотрела на него строго: она слышала, как накануне тетки шушукаются о нем. Она не подслушивала, но так из слов выходило, что у него в подъезде родился ребенок, не от жены, ее двоюродный братик. И жена его скоро родит.

Братика она не видела, но тетки все время бегали на третий этаж, а потом на кухне болтали на французском, думая, что она ничего не понимает. Как же! Фам, фам...

А ночью пришли с обыском, дядю Мишу сразу увели, а потом рылись в ящиках комода, вытряхнули на пол даже ее и Алековы вещи, топали по ним сапогами. Забрали фотографии, книги. Алек заснул от страха. Тетки, запрещавшие даже детям притронуться к их чашкам, молчали, стоя у стены.

И тогда она решилась, разбудила Алека, они тихо стащили картину с идущими по лесу детьми, которые им подарки приносили. Сняли со стены и спрятали под кровать, где уже искали.

Потом тетки куда-то ходили, писали письма, шумно читали ответы из органов. Жену дяди Миши тоже хотели с собой забрать, за ней пришли люди в форме, но она в роддоме была. А потом в квартиру не вернулась, уехала то ли в Горький, то ли в Саратов. Тетки ей писали, но жена дяди Миши ушла жить к какому-то литературоведу. На время к себе они взяли другую жену дяди Миши с малышом, но и та скоро ушла. Тетки молчали, но иногда что-

то по случаю покупали Виктору – так называли сына дяди Миши, ехали в Сокольники, чтобы передать подарочек из-под картины.

А у нее так никогда не будет: она не умеет собрать стол красиво, из ничего сотворить пять блюд. Мама и тетки давно махнули на нее рукой – как, мол, научиться готовить девочка, если она нормальных продуктов не видела.

Это мама была отчаянной поварихой, умела кашу из топора сварить.

Понятно, в геологической партии и не тому научишься.

Эля любила страшные рассказы, как варили медвежью голову, которую подарили местные охотники. Ей все мамины истории казались страшными сказками – тайга, медведи, рюкзаки, палатка, чай с порохом.

А вот папа едет на работу с портфелем на трамвае, а потом покупает им немного колбасы в гастрономе на углу – все понятно. Возвращалась мама и под песню варила настоящий кулеш. Тетки правда фыркали: «Опять каша из топора». А старшая привередливо спрашивала: «Ты точно в этой кастрюле молоко не кипятила?» Мама «честно» говорила: «Да. А ты опять в синагогу ходила?»

Амалия, вечный фрондер, после ареста дяди Миши стала ходить в синагогу, пугая этой выходкой всю семью. На самом деле это она говорила, что ходит, а потом дома донимала всех кошерностью. А сама сидела на солнышке в сквере и читала книжку. Эля ее однажды заметила, когда шла из школы, но подходить не стала, вдруг у тетки какое свидание. И вообще, зачем разрушать ее образ отчаянного бунтаря, когда она так форсит этим. Амалия ее тоже, скорее всего, заметила, потому что вечером затеяла знаменитый ореховый пирог. Все только руками всплеснули, но Амалия гордо извлекла из сумочки орехи, изюм и курагу.

– Будем печь пирог!

Эле тогда позволили раскатать корж и торжественно нарезать еще мягкий пирог на ромбики, а потом сложить в жестяную коробку еще эйнемовского шоколада, чтобы потом брать по два ломтика к чаю. Алек, правда, хватал бесконтрольно, он вечно что-то жевал, оставаясь худой жердью, только в высоту тянулся, каждую осень приходилось новые брюки покупать.

Вульфсоны остались на ночь на даче.

А утром Алька с Валерием спозаранку заваялись ловить рыбу, хотя где ее тут ловить, это же надо в Баковку к плотине ехать, а у них один велосипед на двоих. Но они уехали, только к обеду вернулись, гордо предъявили одного ерша и трех плотвичек.

– Коту годятся, – оценила мама Рея их улов.

Кота так и не нашли. Потому некого было угостить их добычей. И мальчики решили готовить настоящую рыбацкую уху. Разожгли костер, но поколов руки ершами, рыбу бросили чистить, положили в кипящую воду, посолили, поперчили.

Мама, сняв пробу, вынесла категорический приговор – не спасти. Мальчики все же, хоть и давясь, съели свою рыбацкую уху вместе с чешуей. Эльге они даже не предложили, хотя она, само собой, отказалась бы.

– Она не поняла, что он влюблен и ухаживает? Ведь все ясно, он ее просто дразнил. – спросила я Алека. Он смутился.

– Поняла, конечно, все поняли. Но тогда не было принято, что ли, как сказать, проявлять чувства.

– А как же революционные валькирии с их сексуальной революцией?

– Так это до нашего рождения было, в 20-е, наверное. Я читал об этом.

Тетки застали, потому замуж не вышли, а может, и не потому...

– Так она бы ему писала, роман в письмах всегда завораживает.

– Она и писала. Но он обиделся на нее. И прекратил переписку. За что, не знаю, под влиянием обстоятельств. Она своим неловким вопросом поставила под сомнение его право на собственный путь в жизни. Мы все продолжали «дело» семьи. Это верно, как я сейчас понимаю: ты приходишь в мир, где знают твоих родителей, дядей, тетей, ты не можешь быть хуже, рвешься вперед, растешь. А Валерик вроде как продолжал и вроде как не продолжал. Папа был биолог-полярник, а он решил в моряки. Всю семью напугал. Говорили, что у него хорошо шли языки и математика, а вышло вот так.

В субботу с первой электричкой приехал папа. Как всегда привез свежий хлеб и колбасу. Хозяйка, тетя Таня, стала квохтать:

– Ну зачем? Когда все есть.

– Это спецпак для похода, – смеялся папа, – Мы после чая уходим. Нас ждут приключения и воспитание чувств. Эля, ты со мной? А впрочем, к чему вопросы?! Собирайся.

Мальчиков не позвали, потому она, вздернув голову, побежала надевать удобные парусиновые туфли.

Папа повел ее, как всегда, в долгую прогулку, куда-то за Измалково, к Лукино. По дороге он весело рассказывал о боярах, что поселились здесь сто лет назад, нет, наверное, еще раньше. Колычевы, Шереметевы, Самарины, митрополит Филипп – он же тоже Колычев, потом тут селились их беспутные сыновья, брошенные жены. Голова шла кругом. Тут же жили писатели – Бабель, Серафимович, Ясенский. Откуда папа столько знает?

Она вдруг вспомнила Эльзины слова о нарушении когнитивности. Это она про нее, Элю, говорила, а Эля потом выяснила значение слова – просто «восприятие». Ну не поняла она ни слова из того, что папа говорит: слишком много и сразу.

Папа, понятно, почему такой образованный, он у издателя Полякова еще мальчиком-курьером служил. В ожидании посылок все книжки издательства перечитал. И все запомнил. Но ей нравилось не рассказы его слушать, а просто гулять по бульвару, медленно идти с ним рядом, пинать листья, ждать мороженое в рожке, вернуться к обеду и тихо сидеть со всеми за уже накрытым столом, слушать, как они спорят, пытаются перебить друг друга.

В эту прогулку она ждала, что папа спросит о том, что с ней произошло, хотя она и сама не поняла, что произошло. Не признаваться же, что ей уже два года нравится Валерик, что она радуется его появлениям и совместным прогулкам, ей жалко его и гордо за него – его папа погиб как герой.

Валерий был окружен ореолом трагедии и тайны, он намекал, что дело расследовали не так, что-то осталось за скобками толстых томов следствия. И он почти знает про это что-то, но вынужден по известным причинам молчать. Она и не спрашивала. Просто смотрела на него с восхищением, понимая, как трудно хранить тайну. А он напускал на себя таинственность и трагичность.

Их семейная история ни в какое сравнение не шла. Дядя Миша исчез буднично и стыдно. Все перевернули в квартире и увели его, и все. А потом пришли и конфисковали его вещи. Алек после этого не хотел утром в школу идти, но его заставили, запретив говорить о семейных делах. Подбадривали друг друга, разберутся и отпустят.

Алека выпихнули в школу. В тот день Юрка Гиндин не явился в школу. Поговаривали, что у него что-то с отцом случилось. Алек смылся после второго урока, побежал к Гиндиным. Оказалось, у него отец, известный врач, от инфаркта умер. Вот ведь как хорошо вышло, не забрали, а просто умер, не стыдно получилось, не успели его забрать, а уже с вопросами приходили, Юрка рассказывал про людей в форме и сапогах. Да опоздали они.

У святого источника папа остановился:

– Ты не бойся, Эля, – она подняла голову. О чем он говорит? Но папа продолжил:

– Ты очень красивая. Особой, как Пушкин говорил, тихой и достойной красотой. Ты ангел, счастье тому, кто встретит тебя. Не пытайся стать иной.

– Ты правду говоришь?

– Конечно.

– Потому, что ты мой папа, – опустила голову и не смогла удержать слез. – А я толстая, глупая и никому не нужная.

– Ты ангел, – повторил папа, – Ты несешь тихое счастье и покой. И мне кажется, что кое-кто это тоже заметил. Ну что? Пошли обратно? Там уже чай накрыли.

– Нет, – заупрямилась она, – Вон какие тетки, все вокруг них крутится. И на маме ты женился, и сам говоришь, что она командир. А я так не умею...

– А ты знаешь, я не сразу заметил, какая твоя мама. Они приехали из Митавы, им надо было где-то жить. Я не мог просто так поселить четверых девушек. Выход был один – фиктивный брак с одной из них. Не знаю, почему я моментально принял решение жениться на самой младшей из них. Может, потому что она была самой серьезной, или потому, что она не похожа на остальных, или потому, что она похожа на тебя.

– Опять ты смеешься? – папа был намного выше, потому пришлось поднять голову.

– Я радуюсь, – обнял ее за плечо и повел к дачам. – А потом она стала моей настоящей женой, а потом родилась ты, а после – Алек. И я говорю правду, потому что доверяю тебе тайну.

– Тоже мне тайна! Будто мы не знаем, что ты нас любишь.

– Любовь всегда тайна.

– Знаю, – сказала она грустно.

– Точно? – то ли смеется, то ли серьезно.

– Это когда, хоть на край света.

– А будет ли тебе хорошо на краю света? Или ты вскоре обвинишь того, кто тебя туда затащил, лишил тебя твоего мира, друзей, родных, вида из окна, лета на даче, чая на веранде. Сможет ли он заменить собой все?

– Если любишь, сможет. У тебя мещанский взгляд на любовь! Газета утром, чай.

– И семья, которая понимает тебя без слов. И еще ты герань на окне забыла. И камни в шкафу, которые вы порознь собирали в детстве, а потом объединили их в одной коробке. Мне кажется, любовь – это одинаковая кровь.

– Ты неправ. Люба говорит, что это сейчас мы думаем, что всего четыре группы крови. А их больше, намного больше. И получается, по-твоему, что выбирать тебе из двух человек. А сейчас все знают, что групп – восемь!

– И выбирать не нужно. Просто почувствуй, что тебе хорошо! Тебе, да-да, комфортно, знаю, будешь протестовать против этого слова. А оно хорошее. Представь, как жить с человеком каждый день, а не только пройтись по бульвару, если он не так ест, не так пьет чай, не любит прогулки на бульварах по воскресеньям, а тебя весной так и тянет, как тогда?

– Разделить его интересы.

– Да ты герой. Не зря тебя называли Эльгой – Воительницей. Ты стала взрослой. Как раньше говорили, отроковица. И потому говорю с тобой, как со взрослой. Семья это не только любовь между двумя людьми. Человек, с которым ты будешь всегда, должен принять твою семью, а ты – его семью. Две семьи станут родней, семья станет огромной, размером с мир, и другого мира тебе не захочется. Ты будешь любить его родителей, как нас, его сестер, его братьев, далеких и близких, а он отвечать за нашего Алека, и его будущих детей, и все друг друга будут любить.

– Как ты теток?

– Они мои сестры.

– А почему они не выходят замуж?

– Встречаются им не те. Не родня.

Бабушка любила рассказывать историю женитьбы своих родителей. Она ей казалось романтической. Мама ее, самая младшая из сестер Якубович, приехала в Москву позже всех.

В Риге девочек в институты не брали, оставались только женские курсы, а вот в Советской России было полное равенство. Брат уже перебрался к какому-то дальнему родственнику в Царицыно, в Подмоскowie, девочки остались в Митаве одни. Училась она хорошо, в художественной самодеятельности участвовала, пела прекрасно, танцевала на праздниках в гимназии латышские танцы, потому классная дама что-то там схитрила и после шестого класса выдала ей свидетельство об окончании полного гимназического курса, правда, пришлось и год рождения подделать. Словом, стала на год старше.

И сразу отправилась в Москву, чуть ли не с вокзала побежала сдавать документы в университет. И тут мечты Реи Якубович разбились: иностранцев не принимают, а ныне Латвия суверенное государство. За неделю она обошла все начальство, но ответ был один: «С видом на жительство на учебу не принимают».

Теткам, ее старшим сестрам, пришла в голову гениальная идея, эту историю Эльга знала с их слов, а папа с мамой не хотели ее помнить. Все просто – заключить фиктивный брак и получить гражданство, и тогда путь к знаниям будет открыт. Вот Арон и женится, он не первый день знает их семью, должен помочь.

Но вот опять проблема. Брак с иностранкой! Нужны еще бумажки, разрешение посольства и прочее, никто в загсе не хочет связываться, проще отказать – не положено, и все.

И тогда они решили рвануть в Подмоскowie, в Царицыно, где уже работал старший брат моей иностранной в те годы прабабушки. Там законы соблюдались кое-как. Местный писарь их и вовсе не знал, да и подзабыл, что Латвия уже не Российская империя, в пригороде все оставалось постарому. Поженим, – сказал писарь-старичок.

И вот уже решающая минута. Сейчас их объявят мужем и женой, но вредный старичок по старинке сообщил, что ей присваивается фамилия мужа. Мама сразу возмутилась: «Никогда!» Служка предложил наоборот. Папа тоже уперся: «Не будет он носить фамилию жены». Служка не выдержал и погнал их прочь. Если они на берегу не договорились о фамилии, то как же они дальше жить будут?

На улице мама разрыдалась, а папу осенила очередная гениальная идея. Двойная фамилия, двойная! И побежали обратно, пока ЗАГС не закрылся. Час они уговаривали старичка зарегистрировать их отношения, тот сомневался, но настойчивость брачующихся победила. Удалось убедить его в своих чувствах. А, может, они тогда и сами поверили? А может, это просто семейная легенда? Или они скрывали свои слишком громкие чувства от всех. Через неделю после свадьбы молодая жена блистательно сдала экзамены в университет. Она была счастлива, ей повезло, позже именами ее учителей называли улицы в Москве.

В тот день чай с мятой пили на веранде. Папа затеял разговор о новых переводах Стендаля. Тетки были против переводов, мол, искажает подлинник. Алек, быстро съев пирог, куда-то сбежал. А она сидела молча. Родители и тетя Мина ушли в сад, громко, чтобы все слышали, как они заняты собой, обсуждая сорта яблок. Только бабушка Валерия, Генриетта, осталась спокойно дремать в кресле. Эльга видела, как старшие поглядывают на них. Но она молча пила чай, как и Он. И он слова не сказал.

Вечером Вульфсоны засобирались в Москву. Их уговаривали остаться, мол, все поместится, да вдруг последнюю электричку отменят, но они все же решили ехать.

Папа пошел провожать, не предложив ей сопровождать его. Долго прощались у калитки, она уллучила мгновение, взяла Валерия за руку и тихотихо сказала:

– Я буду писать, адрес пришли. Мы в августе из Митавы вернемся.

И я тебе сразу напишу.

Он пожал ей руку. Никто не заметил, и потому она не стала отнимать руки. А потом все стали целоваться на прощание, началась суматоха, уже опаздывали на электричку, надо было почти бежать.

Ей казалось, что потом она скучала на даче. На самом деле ей было не просто тоскливо, ей было больно и обидно. Она не поняла, что же она сделала не так, чтобы Валерий, намекнув на чувства, тут же отвернулся от нее. Она и мечтать не могла о его ухаживаниях. Но он сам предложил ему писать. Это же не просто так. А потом замолчал.

И не так уж ей скучно было на даче. Много лет спустя его двоюродный брат вспоминал: *«Валерий Вульфсон-Дамье – мой двоюродный брат по отцовской линии. С ним мы познакомились в один из предвоенных годов в Переделкино (Моск. обл.), где проводили летний отдых наша бабушка Генриетта с внуками Валериями. Мой двоюродный брат был сыном замечательных родителей – героя-полярника Вульфсона, трагически погибшего на острове Врангеля и ассистентки знаменитого профессора Плетнева Мины Григорьевны Дамье (родной сестры моего отца). Валерий Вульфсон-Дамье во время нашего с ним знакомства был московским школьником средних классов. Он отличался смышленостью и добродушным, покладистым характером. Лето в Переделкино запомнилось мне приятным общением с бабушкой и братом, редкими патефонными пластинками с записями арий и романсов в исполнении замечательного бельканто Яна Кипура, освоением езды на велосипеде, принадлежавшем моему брату... и несносным ежедневным (дважды в день) приемом свежего коровьего молока (в качестве чудодейственного лекарства от всех болезней)... Позже мы с моим братом возобновили нашу дружбу. Бабушка Генриетта настолько плотно опекала моего тёзку, что он часто разводил руками и бормотал: «Лас мих ин руй!» (оставь меня в покое!) Надо пояснить, что они в основном разговаривали по-немецки (так они привыкли во время многолетнего проживания в Латвии)».*

А на самом деле неделя выдалась скучной. Альке купили велосипед, и он пропадал с утра до ночи на улице. Письма из Ленинграда не приходили, понятно, там же вступительные испытания. Папа не приезжал, их министерство работало и в воскресенье. Оставалось только читать книжки. Эльза и Лейба, на которых оставили детей, радовались. Все они говорили, рано или поздно Эля будет интеллектуалкой. Вот Стендаля читает.

А ей не нравились эти зануды Фабрицио и Сорель, невыносимые они, только себя и любят.

Заточение закончилось 18 июня. Пора было в Москву, собираться в Митаву, через три дня отъезд – впервые за границу.

Романтические бредни, как называла мама французские романы, сделали свое дело, и ей мечталось, что в Митаве ей встретится тот, кто увидит в ней ангела, так папа обещал, оценит ее, и она отзовется на его чувства, а тот еще будет жалеть об упущенном шансе.

Главное – узнать свою любовь, и как-то так выступить, чтобы он понял все. Как – она не думала, это потом, на месте и по ситуации, ныне она знает, как себя вести, чтобы не попасть впросак по наивности. Теперь у нее есть опыт влюбленности и разочарования, а это избавляет от глупости и напрасных надежд. Этим летом она стала другой. Ее даже не волновали одно-классники с их детскими разговорами. У нее совсем другая история. Тетки правы, у нее все впереди, и там она будет иной, уверенной и смелой, какой никогда не решалась быть. А папа и не сомневался, что так и будет.

Девочке нужен папа, хотя говорят, что мальчишка без отца расти не может. Все не так, все совсем наоборот. Мальчику папа не нужен, ему мама нужна, чтобы любила и баловала, а он добрым, ласковым и щедрым вырос. А девочке – как раз, папа: чтобы восхищался ею, а она гордилась им, и знала, что мужчиной должно гордиться. Папа есть – ты принцесса. А если так, случайно заблудший папа, сам не осознавший, что он отец, то быть тебе неудачницей. Мальчик не хочет быть, как папа, он по закону природы отрицает его. Но хочется, чтобы те, кто смотрят на тебя, девочку, смотрели как папа, с такой же бескорыстной любовью и нежностью. Моей бабушке повезло. Мягкий добрый папа и энергичная резкая мама, хотя это все по рассказам бабушки и известно.

Она не спросила у Валерия, кто кому первый напишет. Первой неудобно, будто она навязывается. А ждать томительно. Хорошо, что дел навалилось много. Надо было собираться в Ригу, покупать подарки неизвестным друзьям, хотя мама утверждала, что в Латвии все есть.

Из прошлой поездки мама привезла белье с вышивками, наряды теткам, изумительной красоты льняные скатерти, топленое масло, янтарную брошку.

И в этот раз московские заказы на нее буквально сыпались, телефон не смолкал. Тетя Мина тоже что-то просила, заодно сообщила, что Валерий прошел медкомиссию и признан годным к учебе. Значит, домой он пишет. Три раза она подходила к ящику, висевшему на входной двери, но там были только газеты для папы и какой-то отчет из академии для мамы. Наверное, подготовка к вступительным испытаниям заняли все его время, объясняла она самой себе. Ну и хорошо, что они завтра уедут. Целый месяц почти за границей.

Наконец, чемоданы собраны, папа еще не пришел с работы. Но через час поезд, потому на двух трамваях они с мамой поехали на Рижский вокзал.

Накануне случилось ЧП – Алька с велосипеда упал, коленку расшиб, тетки подняли крик – срочно в больницу, немедленно прививку от столбняка, вдруг у него сотрясение мозга, какой поезд, ему только лежать, а как его заставить, только морсом поить и вслух читать в очередь. Пришлось ей вместо Альки рюкзак тащить и свой фибровый чемоданчик. Лицо стало красным, волосы прилипли ко лбу, словом, ясно: на вокзале принца лучше не встречать, не узнает. Да там было его и не увидеть.

Толпа не давала пройти. Почему-то в этот день все поезда отменили. Народ толпился, требовал начальство. Мама, оставив ее с баулами на перроне, ушла звонить папе. Вернулась она слишком строгой, Эля даже спросить побоялась, в чем дело. Мама, будто в походе, схватила

рюкзак и баул и, проталкиваясь через толпу, пошла к трамваю. Эля почти бежала за ней с чемоданчиком. И вот же неудача, замок открылся, вещи рассыпались, кое-как запихнули все обратно, перемотали неизвестно откуда взявшейся веревкой, у мамы всегда все было с собой.

– Ну что же за день такой! – не сдержала гнев мама, – Все не задалось. На железной дороге какие-то проблемы. Чемодан этот! Давно надо было его выбросить. И я же говорила, что надо на 20-е билеты брать. Уже бы там были.

Эту историю бабушка всегда рассказывала в свой день рождения, заканчивая словами: «Если бы мы 20-го уехали, нас бы не было. Вся родня, жившая в Митаве, погибла. И мы бы погибли. А Алька один бы остался. А так все кончилось хорошо, нам повезло. К 11 утра 22 июня все пассажирские поезда отменили, забрали под воинские эшелоны. Да и там уже бомбили. Это же только мы узнали днем».

А потом шла история про эвакуацию. Как они перебрались в Уфу, как ее отправили в колхоз собирать зерно, как она остью проколола ногу, начался сепсис, и ее отправили в Уфу, одну, на перекладных, как она шла в гору от станции с больной ногой, грязными волосами, превратившимися в войлок, а когда добралась, хозяйка дома, где квартировала ее семья, не пустила в дом, погнала, потому что приняла ее за цыганку-побирушку, и она села на порог и заплакала от обиды и бессилия. И тут выскочила Эльза, стали ее мыть, лечить, слава богу, где-то раздобыли пенициллин, словом, вылечили. Опять повезло.

Тут ее подруга Нелли всегда вступала:

– Да... Вы в эвакуацию в сентябре уехали... Ты не застала 16 октября в Москве. А я здесь сидела, убежала в Люберцах на голубятню и ждала, как сейчас войдут немцы и меня убьют как еврейку. Или наши убьют, потому как толпа, что магазины грабила, кричала «Евреев убить, это они виноваты». Все одно выходило – жизнь моя кончена.

14 октября по радио сказали, что немцы близко и возможен прорыв обороны столицы. Руководство страны выехало в эвакуацию, приказом Микояна закрыли метро, все рабочие и служащие были уволены с месячной зарплатой, началось стихийное бегство из Москвы, магазины раздавали продукты, в конторах и министерствах жгли документы, Москву заволокло едким дымом горящих бумаг. Говорили, что через два дня немцы возьмут столицу. Только на четвертый день удалось навести порядок. Все это описано в приказах, сводках, воспоминаниях очевидцев, расшифровках радиообращений. Только про Неллю, которая уже семьдесят лет обижена на лучшую подругу, там нет. Она сидела и плакала на голубятне, зная, что ее жизнь кончится через два дня, так и не начавшись. А бабушка начинала убирать на столе, менять посуду, и оправдываться:

– Ну меня же увезли, я не сама уехала. Я там, в колхозе, чуть не утонула. С лодки свалилась и на дно пошла, пока мужик с лодки не крикнул:

«Ботинки сбрось!» Я сбросила, а ватное пальто намокло и тянуло меня, ну как-то меня багром зацепили и вытянули, а ботинки я сбросила. В тот же день это и было. А потом я первая в Москву вернулась, как только можно стало. Папа мне вызов прислал, меня посадили на поезд, ему телеграмму дали, а поезд сломался, на сутки опоздал. Я думала, как же папа меня встретит, если я вчера должна была приехать. А вот ведь как повезло, телеграмма опоздала на сутки, папа получил ее утром, прибежал на вокзал, стал меня искать, а поезд тоже опоздал, и он меня встретил, вот ведь как повезло.

Ей всегда везло. Или она так думала. Вот и война у нее иначе началась.

Папа приехал с работы, когда они с мамой уже вернулись с вокзала, сказал, что он ничего не понимает, поезда на запад отменены все. И днем будет важное сообщение по радио. Наверное, что-то с путями случилось. А в обед «началась война». Все кинулись звонить друг другу, было непонятно, что делать. Все стали как-то строже, чтобы скрыть растерянность. К вечеру в магазинах выстроилась очередь, скупали спички, соль, крупы.

Через несколько дней пришлось сдать телефон и радиоприемник, который купил еще дядя Миша. Значит, остаются ей только письма, бесполезно ждать звонка из Ленинграда, на который она надеялась.

Война и война, это ей казалось несерьезным. Не то что их отношения.

В самом начале войны, которая всем тогда казалось короткой, Эльгу со всей школой неожиданно отправили в пионерлагерь, в Рязанскую область, на станцию Тырново. Они там что-то пололи, жили в крестьянской избе, все было хорошо, пока не пришло письмо из дома – маму отправляли в экспедицию, хотя на самом деле это было эвакуацией в Башкирию, уезжать надо было в 20 числах июля, можно было взять семью. Мама так и решила: едут все вместе. Отправила телеграмму в лагерь с просьбой отпустить Эльгу, не просто телеграмму, а за подписью Президента Академии Наук.

Учительница отвела Эльгу на пристань и посадила на пароход «Максим Горький». И дала ответную телеграмму родителям: «Уехала 20-го.» Без уточнений. На чем уехала? Как? – ломала голову семья. Двухдневная поездка на теплоходе навсегда отбила у нее охоту к речным круизам. Теплоходик был переполнен, спать пришлось на второй палубе, на воздухе, на своем же саквояже и бауле с подушкой. В первый день в буфете кончились суп и второе, остался только хлеб и компот, а ко второму дню и хлеб кончился.

Медленно и томительно тянулся пароходик. Эльга намечала себе впереди дерево, а к нему все не приближались и не приближались, пароход петлял, подбирая людей на пристанях, шел все медленнее и медленнее, потому как был перегружен. Казалось, что они никогда не доберутся. И родители уедут без нее. И что ей делать одной в Москве? Как искать их в Башкирии? Уныние овладело ею. Но к вечеру второго дня их высадили почему-то не в Северном, а в Южном порту. Она испугалась, ведь встречать должны там, на Речном вокзале. И как теперь быть?

Но на берег никого не выпустили, проверяли у всех прибывших документы до утра. У нее и был всего лишь ученический билет. Мол, вот – ученица седьмого класса, школа в Вузовском переулке. Но билет с фотографией. Проверяющий сказал:

– Ты завтра поедешь. Куда уж тебе в двенадцатом часу? Ночуй здесь.

А завтра домой.

Многих не пустили и вовсе, потому смотрели на нее плохо, женщины начали плакать, всю ночь она простояла на палубе, а утром побежала к трамваю. И вдруг поняла, что чемодан и баул не поднять в горку. А трамвай уже шел. Ну не бросать же подушку с одеялом! И заплакала от безысходности, как люди на палубе. И вдруг мальчишка, ее ровесник, но выше, подхватил ее баул, нет, не украсть, а помочь:

– Побежали.

Прыгнул с ней в трамвай.

– Ты откуда?

– Из Рязани. Мы там в лагере были. Домой надо.

– Я сегодня свободен, – весело сказал он. – Куда катим?

– На Солянку. – Погрустнела: а вдруг все уже уехали в Башкирию,

а у нее даже ключей от дома нет.

– Эй! Да еще никого не отправляли, – понял он.

А потом затащил чемодан с баулом на четвертый этаж: лифт уже отключили. И такое счастье, все оказались дома, даже папа. Оказывается, все эти два дня ее искали. Папа отправлял телеграммы, мама пыталась дозвониться в Рязань.

Уже все сложено, все едут в Уфу, Амалия и Эльза приедут позже, они оправляются с консерваторскими. А Люба ушла на фронт, медсестрой. Все шумели, мальчик – Эльга даже его имени не спросила – так все стремительно все понеслось, стоял в прихожей, мямл кепку. Амалия потащила его кормить. И скоро все сидели в комнате теток за столом, по случаю купленном десять лет назад в комиссионке, у стола на ножке был знак «Метрополь». И все вечно шутили, мол, едим, как в «Метрополе». Эльга не понимала значения слова, но знала, что это вечная присказка, которая веселит гостей.

Коля – так, оказывается, звали мальчика – пришел на следующий день утром, пригласил погулять, но ее не пустили: надо было собирать вещи. Он пришел и на третий день, но к обеду надо было быть уже на вокзале, где к эшелону прицепили вагон Академии Наук. Коля даже пошел их провожать, но на вокзале опять, как всегда, произошла неразбериха. Ночь накануне была беспокойной.

Опять, уже в третий раз, объявили воздушную тревогу, все спустились в подвал. Но эта тревога с 21 на 22 июля оказалась настоящей, не учебной на полчаса: немецкие самолеты про-
рвались к Москве.

Вышли из бомбоубежища только утром и сразу понеслись на Казанский вокзал, нашли свой эшелон, загрузились в теплушки. Снова повезло: досталась даже одна нижняя койка. И опять воздушная тревога.

Сначала сказали: «Академии Наук оставаться на местах, сейчас отправляемся». Потом другое начальство поменяло решение, велели всем спуститься в метро. Мама, бросив вещи в теплушке, потащила ее и Алека. Коля потерялся в толпе, даже адрес не успела у него спросить. Как теперь ему напишешь?

После тревоги хотела его поискать, но было уже не до этого. Эшелон Академии наук ушел. С вещами. Пришлось догонять его на электричке. Говорили, что он их дождет в Раменском. Ночной электричкой добрались, но поезд уже успел уйти дальше. Только к Голутвину и догнали поезд, побежали к своей теплушке, а в небе шел воздушный бой. Алек остолбенел, рассматривая самолеты в лучах прожекторов. Но мама дернула его за руку и забросила в вагон. Опять повезло, успели, а кто-то догнал поезд только в Коломне.

Так и кончилось ее трамвайное знакомство. И быстро забылось.

До Уфы ехали четыре дня, пропуская воинские эшелоны, шедшие на запад. А в Уфе на станции снова случилась неразбериха и толчея, все пытались разобрать беженцев, хозяевам квартир, приютившим эвакуированных, платили. Приезжие совсем растерялись. Хорошо, что пришли представители Башкирского отделения Академии Наук, и Эльгу с мамой и Алеком отвели в старый город, в дом с хорошей большой комнатой. Потом встречали эшелон консерваторских, потом обустраивали комнату, потом прикреплялись к магазину, искали школу для нее и Алека.

Школа оказалась хорошей, близ дома, только к сентябрю ее забрали под госпиталь. А их отправили в семилетку, размещенную в крестьянских домах, да и там ей компании не нашлось.

Ленинградские держались особняком, вокруг учительницы Конкордии Ивановны, ту еще после убийства Кирова за что-то выслали из Ленинграда. Девочки были надменные, а мальчики маленькие. Москвичи тоже держались стайей, их местные не любили, потому как все вывезенные из столицы стали отличниками не из-за хороших знаний, а из пиетета к московскому

образованию. Да и вправду, немецкий она сама знала лучше учительницы, не говоря о произношении, только грамматика у нее хромала. Но друзей ей и среди них не нашлось. Все москвичи пытались оригинальничать, некая странность казалось почти что доблестью. А она не могла предъявить ничего такого. И сразу среди них стала белой вороной, еще более странной, чем все вместе. Появилась одна хорошая подружка, татарка, да и ту скоро родственники в Башкирию увезли. Еще был московский мальчик, младше ее на год, но его посадили к ним в класс, потому как он круглый отличник, его даже учителя побаивались, слишком хорошо учился. Она хотела было с ним подружиться, но он вечно сидел за книжками и задачками.

Мама кинулась искать «колонию», с кем жить, с кем общаться, нельзя же без компании.

И тут ей сказали, что приехали латыши. Вот ведь счастье какое. Может, они что-то знают о ее брате и сестре, что в Митаве остались, как их не просили уехать.

Дядю Гришу в Риге знали, он был известным детским врачом. Его вызывали ко всем высокопоставленным больным. И даже, когда мама в Москву перебралась, всегда с Гришей советовалась, как ее или Алека лечить. Дядя Гриша ворчал, мол, пациента надо в лицо видеть, но всегда совет давал. А потом в Морозовской и Филатовской больницах удивлялись, как верно родители поступили.

Латыши рассказывали, что доктора с семьей в гетто увели, что, мол, немцы ему как прекрасному врачу предложили покровительство, обещали с семьей отпустить, но доктор Якубовиц выдвинул условие, что выйдет только вместе со всеми еврейскими узниками. А дальше, чем дело кончилось, они не знают. А вот самая маленькая сестра мамы, Антуанетта – дома ее Эка звали, с латышского переводится – хвостик, вечно за всеми хвостом таскалась, – и вовсе пропала. Она уверяла всех, что ее соседи в случае чего спрячут, может, так и есть... Но все одно было тревожно. Потому после работы мама ходила к латышам, даже язык неожиданно вспомнила, на котором уже лет двадцать не говорила. А тут услышала и вспомнила.

И вот такое везение – среди латышей нашлась ее старинная подружка Эдит Яковлевна Глинтерник, подружка гимназической юности – ее отправили из оккупированной Прибалтики к раненному мужу-генералу, тот умирал в уфимском госпитале.

Эдит прибыла с двумя дочерьми, они устроились сестрами милосердия, чтобы быть возле раненного отца.

Но, увы, судьба не судила быть им вместе, генерал медслужбы умер. Девочки Соня и Галя так и остались при госпитале, а Эдит Яковлевна, которая, как мама говорила, в жизни ни одной тарелки не вымыла, стала зарабатывать на семью шитьем. Ее вышивки даже в эвакуации уходили влет. Жизнь сразу наладилась, рижане стали уважаемыми мастерицами, понятно, они знали толк в европейском шике. Мама перетащила их жить поближе к себе, вот и друзья-соседи появились. Скоро Соня перешла в школу английский преподавать, Галю тоже туда звали, но она осталась в госпитале. И, оказалось, не зря. Такую самоотверженную девушку позвали работать в Латвийское представительство. Тетки вопросительно посмотрели на маму, принесшую это известие. Понятно было, что Галя работает на органы, а после ареста дяди Миши к ним относились испуганно-напряженно, но не отказывать же в доме дочери старинной подруги. Потому по общему умолчанию решили сделать вид, что ничегошеньки не понимают, пусть будет как будет. Не лишаться же друзей в эвакуации. И, вообще, это всего лишь подозрения, может, все совсем не так. Словом, решили дружить домами.

Мама приобрела радиотарелку, чтобы новости слушать. А кто-то принес патефон. Латыши лихо жарили из мерзлой картошки драники – так называли картофельные котлеты. Алек ловил их на лету.

Он в Уфе быстро обзавелся компанией, болтался во дворе с эвакуированными мальчишками. Местные не могли выговорить это слово, потому звали их просто – выковырянные. И ведь верно: наковыряли абы где, абы кого, абы зачем.

Мама арендовала огородик у хозяев. Ей всегда нравилось что-то выращивать. Тетки рассказывали, что еще в Митаве она брала в аренду сад, и у нее росли самые экзотические ягоды и фрукты.

В августе 41-го мама успела посеять только укроп да салат. Укроп засушили, и зонтики в сенях повесили, хозяин, что им полдома сдал, тоже вывесил пучки местных травок. В знак уважения, видно, сказать хотел, что не белоручки столичные у него живут, позволил брать к чаю и мяту, и чабрец, и зверобой. А осенью, когда похолодало, даже дровишек подбросил.

Девочки Эдит Яковлевны оказались единственной компанией для Эльги, хотя были старше. Уже невесты, на самом деле. Сонин муж воевал на Северо-Западном фронте, а Галя, младшая, была обручена с молодым военврачом, с которым ее познакомил отец. Врач даже предложение сделал, а зарегистрироваться не успели, его отправили на финскую войну. А потом на эту, сейчас он служил где-то под Лугой. Писал ей через день. И Соня письма получала. Они читали всем «неличные фрагменты», а вечерами, в сенях, читали вслух Голсуорси, английского писателя, передавая книжку друг другу после каждой главы. Эльга призналась им, что у нее тоже есть, ну не совсем чтобы жених, хотя, наверняка, они поженятся, если, конечно, сама запуталась в словах, смутилась... Со всеми этими отъездами она забыла о Нем, а обещала писать. Но и он ни разу не написал, но ведь он и не знает, что они в Уфе. Вот мама его из Кемерова написала, они туда в эвакуацию попали. А Валерик не пишет...

– Так, может, все письма в Москве лежат? Их просто не переслали, – здраво рассудила Галя.

Эля погрузилась, она-то ему ни одного письма не написала, хотя обещала каждый день отчитываться, что сделала, что собирается, что увидела, что прочла. Об этом она умолчала перед новыми подругами.

Опять вышло, что она несобранная, необязательная, ленивая, словом, никчемная. Потому как ничего из обещанного не успела. Детский лагерь, переезд, обустройство, новая школа, куда и ходить не надо, еще с Алеком и мальчишками делянку с картошкой у костра караулили, топляк на реку ходили ловить. Шиповник собирали, мама велела, зимой пригодится, а собрали много, потому в госпиталь коробку отнесли. Не об этом же писать. Он ей список книг перед отъездом выдал, что она за лето обещала прочесть, а книжки в Москве остались. Может, в библиотеку записаться, но она в старой Уфе, отпустит ли ее мама туда. А может, хватит и тех, что сестры Глинтерник привезли.

И еще папа после того, как стихает патефон, пересказывает истории, либретто опер. Вот выходит, что она и «Даму с камелиями» почти прочла. Вот об этом она ему и напишет. Правда, Валерий их не называл в списке, который она должна освоить за лето.

Он настойчиво рекомендовал прочесть рассказы Джека Лондона. Это раз. Во-вторых, обязательно – «Бравого солдата Швейка», это действительно надо, и папа так считает, потому как книгу Гашека перевел Петр Григорьевич Богатырев, папа Кости, ее почти что брата. Алек проглотил книжку моментально и щеголял фразочками Гашека, на каждом шагу.

Она, было, начала читать Лондона, но там все оказалось про дружбу. И в «Швейке» ничего про любовь не было. А она уже было размечталась, что книжка ей скажет что-то, что скрывает Он, не знает, как признаться. А получается, что он ее держит за маленькую девочку, с которой просто дружат. И ничего более. Еще бы посоветовал «Чука и Гека». В «Тимуре» и то есть намек на какие-то особые отношения Тимура и Жени. И почему он ничего не сказал про стихи? Она же знает, что Валерик любит Симонова. И даже не в стихах дело, сам поэт романтический герой.

Она и мысли не допускала, что с Валерием что-то могло случиться, хотя Ленинград был в блокаде. Вряд ли курсантов отправили на фронт, да и кормят их, хотя, наверное, и плохо. Главное, вырваться ей в Москву.

И тут – такая удача! – папа прислал вызов. Но мама работала в экспедиции Академии Наук, не в ее правилах было бросить дело на полпути, Алек при ней был, потому решено было отправить Эльгу одну. Все папе какая помощь. Ехать пришлось на третьей полке, но какая разница, если через пару дней она будет в Москве.

Папа схватил ее на вокзале, повел к трамваю – они уже ходили – привез домой. Все, как всегда. Даже бумажные полоски с окон поснимали. Только телефон и радиоприемник не вернули и алькин велосипед забрали, для фронта, все понятно. Папа выложил паек, он у него, как у служащего, был скромный, но он собрал для нее просто пир, а она передала от мамы сало, растительное масло, сушеную рыбу. На сале нажарили картошку. Она рассказывала, как вырос Алька, умолчав о том, что он прогуливает школу. Ну ведь верно, ему там скучно, зато он первым отоваривает карточки, с утра очередь в магазине занимает. Мама вот страдает без папирос. Но на рынке самосад продают, они с Эльзой мастерски крутят самокрутки и курят вечером на кухне, хотя вонь от них чудовищная.

– Их Герцоговина-Флор тоже не ландыш серебристый, – смеялся папа. – Особенно, когда они вчетвером дымить садятся.

Папу волновало, как она восстановит пропущенный класс.

– В следующем году снова пойду в свой седьмой, а пока работать устроюсь. В 14 лет уже берут на завод. Карточка будет рабочая. Мы же на твою не проживем.

– Это я тебя должен кормить, – оборвался посреди фразы.

– Ну ты же понимаешь, война, – сказала Эля серьезно. – Все не так. Ты не переживай, проживем. Мама в этом уверена, потому меня к тебе отправила, а то как ты тут один, совсем пропадешь.

Папа рассмеялся: слишком основательной Эля вернулась.

– Знаешь, почему я тебя так называл? Эльга!

– Знаю, скандинавские саги любишь. – вздохнула, потому что ее злило два раза объяснять каждому и первому, что она Э-льга, а не О-льга.

– Эльга значит – святая, дева-воительница, неподкупная, надежная, верная, сильная. Ты знаешь, что княгиня Ольга на самом деле Эльга. – папа увлекся, – «Эльга, Эльга! – вопили древляне с волосами жёлтыми, как мёд, выцарапывая в раскалённой бане окровавленными ногтями ход».

– Через тысячу лет написал Гумилев, – мрачно повторила слышанное не один раз. – Он запрещен, а ты все читаешь.

– Если бы сейчас не было затемнения, пошли бы мы с тобой по Варварке на бульвары!

– А пошли в скверик, туда, к Юргенсону, – махнула она рукой, – Может, нас не заметят?

Папа был легок на подъем, и скоро они стояли у цветущих вишен. Эля изменилась, стала старше, строже, осторожнее.

– Ты в Москве, мы вместе, не бомбят. Скоро вернутся наши. Люба пишет, с ней все хорошо, а она все же со своим санитарным поездом на передовой. С остальным мы справимся, значит, все хорошо. О! Совсем забыл тебе сказать, тебе приходили письма. Их уже целая стопка.

Он не сказал, что письма из Ленинграда приходили только до сентября.

Понятно – какие сейчас письма из блокадного города.

Она бежала домой, схватила пачку, спряталась в комнату теток, знала, что папа не войдет, но все же перетаскала лампу на подоконник, села там, задернула за собой штору, так надежнее, никто не увидит, что он пишет, а вдруг он пишет совсем не то, что она хотела услышать. Распечатала сразу два. Мелкий, мелкий бисерный почерк, от самой кромки, с двух сторон исписал

лист. Да какое же из них первое? Надо же последовательно читать, а не просто так – вдоль и поперек. Ну вот слова: «Ты не ответила на мое пятое письмо». Значит, не первое...

А вот и первое. Смеется, как всегда, дурак. «Дорогая Эльга, как дачные каникулы? Как Алек? Я все смотрю на фотографии, где мы в Кратово, и потом в Переделкино. Мечтаю, в первую вакацию опять побывать с вами на дачах. Но пока даже и минуты на мечту нет». Что он пишет? Она же знает, что Ленинград в блокаде. Зарядка, прогулка в Таврический сад, сейчас гимназистки побегут или и вовсе смольнянки, и балы начнутся.

«Дорогая Эльга!

Сегодня канун моего дня рождения и я решил урвать немного времени для писем. Должен тебе сказать, что настроение у меня далеко не блестящее. Нельзя сказать, что оно плохое, но и хорошим его назвать нельзя. Беда еще в том, что стоит чудесная погода и все время клонит ко сну. Как видишь, мне довольно трудно угодить: дождь – плохо, ведро – еще хуже. Да, завтра мой день рождения. Передо мной лежит фотокарточка, снятая в 1938 году на даче в Краскове-Малаховке. В голове теснятся воспоминания, мысли о хороших, к сожалению, давно прошедших днях. Нет! Все это не то. Как можно заниматься такими глупостями, как воспоминания, когда я уже курсант. И должен блестяще сдать математику и строительные материалы. Вообще, у нас довольно весело. Если бы ты смогла один день побыть в нашей среде, то тебе хватило впечатлений на всю жизнь. Хочу рассказать тебе подробности о нашей веселой жизни. Встаем в 7 утра. Для подъема существует удивительный музыкальный зверь, который зовется Горн. Этот горн ровно в указанное выше время заводит свое пение, которое мы проклинаяем и не желаем слушать. Между прочим, самые остроумные ребята делают вид, что ничего не слышали. Должен тебя предупредить, что в нашей системе недодуманных до конца положений почти нет. В данном случае к кровати со спокойно спящим и ничего не слышавшим агнецем подбегает Некто. Этот Некто является и карателем, и вообще, чем хочешь. Он, правда, мало отличается от нас, грешных, но он только на год раньше начал учиться и от этого он является этим Некто, а не кто-нибудь из нас. Как известно, сильнее кошки зверя нет, и потому Некто пользуется почти неограниченными правами. И вот мирно отдыхающих малюток заставляет вздрогнуть и начать быстрее двигаться зычный голос: «Вы почему не встаете?!» Ответа мы не слышим, но твердо уверены, что через мгновение раздастся «Молчите! Знаю!». Еле успев надеть брюки и ботинки, мы опять слышим милый горн. Он зовет нас на зарядку. Эта зарядка дается нам каждое утро и по расчетам должна хватать на целый день., но уже через час глаза начинают слипаться и нос упорно стремится проникнуть сквозь книгу или тетрадь и достать стол (на столе ему, наверное, удобнее покоится). Итак, мы выскакиваем по пояс голыми на улицу и несемся стройной колонной мимо спящих домов в один из замечательных садов города – Таврический сад. Там мы начинаем кривляться все вместе, как макаки в зоопарке, когда они в хорошем настроении. Это удовольствие длится не долго – всего 10–15 минут. После этого в том же грохочущем порядке мы возвращаемся в свои апартаменты. На туалет времени очень мало, если учесть количество желающих умыться и количество водопроводных кранов. К счастью, количество желающих намного отличается от общего числа ребят, т. к. некоторые умываются после утреннего чая, а порой и совсем не умываются. Ровно без двадцати восемь мы отправляемся в наше основное здание – учебный корпус. Он расположен шагах в пятидесяти (с учетом довольно широкой, как и все в Ленинграде, улицы). Мы попадаем в подвальное помещение, именуемое столовой. Здесь бывает холодно или жарко. Умеренного климата там не существует. Наскоро (по возможности, так как не хватает приборов, которыми можно нарезать хлеб и из которых можно пить горячий, а иногда холодный чай) покончив с приятной трапезой, мы поднимаемся немного выше и попадаем в свои классы. Опять грозный Некто командует, осматривает с головы до ног, а иногда заглядывают и глубже. После всех этих

церемоний остается еще минут двадцать до начала занятий, которые мы употребляем по своему усмотрению: курим, болтаем (травим), смотрим в окна, а их у нас в классе не большие, не меньше, а целых пять штук. Они выходят на улицу и там многое можно увидеть. В 8 часов 30 минут начинаются занятия – во время учебного года лекции, а сейчас – подготовка к экзаменам. Вместе с этим (параллельно) идет борьба со сном. Через каждые 45 минут нам дают 10-минутный перерыв. Все просыпаются и идут в конец коридора курить. Так проходит время до 12 часов. Ровно в полдень кончаются занятия, вернее, прерываются на 50 минут – мы идем завтракать. Томительное ожидание между двумя последующими блюдами не может испортить аппетита, но буквально выворачивает все внутренности. Далее занятия идут до половины третьего, а потом (в зависимости от дня недели) занимаемся физкультурой, строевыми, общественными и очень редко самостоятельными делами. В 17.00, в переводе на гражданский русский язык – пять часов – мы обедаем и ужинаем. До 7 часов отдыхаем, а потом до 11 занимаемся самостоятельно – кто чем. В учебном году готовимся к спихиванию заданий, читаем, корним над изучением мудрых книг. Окончив занятия, отправляемся на вечернюю прогулку. Если погода хорошая и настроение приличное, то идем с песнями, а то, опустив голову, получая ежеминутно замечание «Выше подбородок!». Приходим в свои дортуары в половине 12го. За эти 30 минут до отбоя нужно успеть умыться, поболтать, сделать несколько физкультурных упражнений на койках, лечь в койки и в 12 начать (у меня часто бесполезно, от переутомления, наверное) попытки уснуть. Лежа часа 1,5–2 можно изучить довольно обстоятельно несколько предметов. Дело в том, что существует определенная категория лиц, которые предпочли бы отвечать во сне, чем на яву. У тех, которые «не могут связать двух слов» – речь течет гладко, мирно и очень толково. После отбоя и до самого подъема спящие напоминают немного, именно немного, встревоженный улей. Где-то в дальнем углу несколько человек соревнуются, кто громче храпит, в другом месте разговаривают во сне, подо мной один из моих лучших друзей, о котором расскажу в следующий раз, имеет привычку очень уморительно хрюкать. Когда он засыпает в классе, случается даже не 2 раза в день, то его не будят (а у нас вообще спать не разрешается), а он просыпается уже через несколько минут сам от громкого, часто слышимого на улице хохота. Что значит луже-ная морская глотка – ты, наверное, знаешь. Время подходит обычно к часу или к половине второго, когда я уже не в силах выдержать бесполезного лежания в койке и отправляюсь развлекаться – поухаживать за женой. Чур, не пугаться! Вспомни суворовскую поговорку – «наши жены – ружья заряжены». Теперь понятно?! А ведь ты покраснела! Нехорошо, надо уметь скрывать свои чувства. Большие писать нельзя – письма больше этого посылать нельзя. Скоро напишу еще. Жду и твоих писем. Крепко жму руку. Целую. Валерий. 2 июля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.